

Чужая жена драконьего генерала

Александр Витальев

Александр Витальев

Чужая жена драконьего генерала

«Автор»

2026

Витальев А.

Чужая жена драконьего генерала / А. Витальев — «Автор»,
2026

Марьяна три года держала осажденный замок вместо мужа, который не прислал ни письма, ни помощи. Когда войну выигрывает драконий генерал Радан, она впервые за долгое время позволяет себе поверить, что ее держат не за титул. Но объявляется живой муж и требует жену обратно по закону, а солдатский амулет, связавший ее с генералом в осаде, начинает гудеть при каждой его клятве верности. Марьяна должна сама разобрать чужую ложь, защитить свой замок и решить, кому она отдаст руку, имя и право решать за себя.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	5
Глава 2. Ключ от кухни	11
Глава 3. Печать на ладони	17
Глава 4. Письмо из архива	24
Глава 5. Сломанная дверь	32
Глава 6. Клятва у двери	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Витальев

Чужая жена драконьего генерала

Глава 1. Письмо на столе

Письмо на столе лежало так аккуратно, будто его не бросали, а клали нарочно. Сургуч уже треснул, печать Лорена была снята чисто, без ножа, просто пальцами. Я не сразу потянулась к нему. Сперва отодвинула свечу, чтобы жир не капнул на бумагу, потом взяла лист за край и поднесла к окну.

Бумага была плотная, дорогая, пахла не нашим чернилом и не нашим воздухом. На конверте, кроме сургуча, остался слабый след чужих духов. Что-то сладкое, меловое, как у женщин, которые умываются розовой водой и не подходят к печи. У нас в замке так не пахло даже в те дни, когда припасы еще позволяли мыться с мылом.

Письмо начиналось с имени, которое я носила три года не снимая. «Жена моя, Марьяна». Дальше шли утешения, обещания, просьба держать замок до его возвращения и постскрипtum, где муж писал, что задержится на полгода и деньги на гарнизон придут с поверенным. Я перечитала письмо дважды, потому что привычка проверять каждую строку на фальшь появилась у меня на второй год осады, когда поставщики начали путать мешки. Привычка осталась. Привычка спасала.

Я подвинула к себе хозяйственную книгу, открыла чистую страницу и начала записывать: дату, когда письмо пришло, кто вручил, какая печать, какие духи, сколько слов в обещании прислать деньги. Каждое слово в строчку, как учила меня Ирма Тихо, чтобы потом никто не мог сказать, будто я выдумала. За стеной загрохотала телега. Я подошла к окну.

К воротам подъезжала драконья ставка. Знамя несли сложенным, и от этого оно казалось тяжелее, чем на ветру. Велет должен был приехать через полгода, а у ворот стоял Радан Крей, генерал, который три года держал оборону северного крыла и которого я видела только через бойницы.

Я успела надеть чистый передник, приколоть волосы и спрятать письмо в переплет хозяйственной книги, между страницами про овес и керосин, прежде чем постучали. Стук был сухой, военный, в три удара.

— Хозяйка, — сказала Ирма из-за двери, и по тому, как она не зашла сама, я поняла, что у двери стоит чужой.

Я открыла. Радан был выше, чем я запомнила его по бойницам. Руки у него были холодные, когда он положил знамя к моим ногам на пороге. Не бросил, положил. Ткань коснулась моих сапог, и от нее пахло гарью и чужим дымом.

— Война выиграна, — сказал он. Голос ровный, без победного звона. — Твой муж жив, Марьяна. Едет сюда. С поверенным и казначеем.

Я не стала поднимать знамя сразу. Сперва посмотрела на Радана в глаза, потому что три года учишься читать лицо сквозь прорезь шлема, и увидела, что он не врет, но и не говорит всей правды. Между бровей у него лежала складка, которую я знала: так у него бывало, когда новость нужно нести, а не сообщать.

— Когда? — спросила я.

— Через три дня.

Я кивнула, нагнулась и взяла знамя обеими руками. Ткань была тяжелая, древко холодило пальцы, и я впервые за три года почувствовала, как чужие руки передают мне право стоять в своем доме. Я сняла знамя с древка, сложила и понесла в зал. Радан не помогал и не мешал.

В зале я повесила знамя на крюк над камином, где раньше висел щит отца Велета, и этажерка под ним скрипнула, приняв вес. Потом повернулась к генералу.

— Благодарю, — сказала я. — Мужу передам, что ты вернул ему замок целым.

Радан чуть качнул головой.

— Замок я вернул тебе. Не ему.

Я не стала спорить. У генерала была своя правда, у меня своя, и сейчас они совпадали на три дня, не больше. Я попросила Ирму подать ему горячего, потому что у генералов принято сначала накормить, потом разговаривать, иначе они говорят глупости. Ирма посмотрела на меня так, будто хотела спросить что-то, но не спросила, и ушла на кухню.

Пока она ходила, я села за стол и раскрыла хозяйственную книгу. Знамя висело надо мной, ткань шевелилась от сквозняка, и в зале пахло гарью, как пахнет от любой чужой победы. Я принялась считать, сколько у меня есть и сколько будет нужно до приезда мужа. На левой странице овес, мука, соль, керосин, сено для конюшни, деготь для крыши. На правой люди: гарнизон из сорока двух солдат, ключница с помощницей, кашевар, Ирма, Целительница Зоська, Ленка-подкидыш, которая спала у моей двери с тех пор, как мать умерла под обстрелом. Я считала рты, а не сердца, потому что рты не обманывают.

В зале стало тише. Я обернулась. Радан стоял у двери и смотрел, как я пишу. Не так, как смотрят генералы на подчиненных, сверху вниз, а так, как смотрят на человека, который несет слишком тяжелую ношу и не просит помощи.

— Сядь, — сказала я, не поднимая головы. — Горячее несут.

Он сел. Стул скрипнул под его весом, и этот звук мне не понравился: значит, мебель сырая, а я этого не заметила.

— Марьяна, — сказал он. — Муж приедет не один. С ним Лара Вельская.

Я перестала писать. Сестра Велета. Женщина, которая три года присылала в замок то счета за кружево, то советы, как лучше держать оборону из шелковых подушек.

— Зачем? — спросила я.

— Объявит, что приехала помогать по дому. С поверенным.

Я положила перо. Чернила стекли с кончика и оставили на странице кляксу, похожую на чужую печать.

— Передай ей, — сказала я, — что в замке есть порядок, ключи и запас крупы на три недели. Если она хочет помогать, пусть привезет муку.

Радан чуть дернул угол рта. Я увидела это боковым зрением и поняла, что первый раз за три дня он почти улыбнулся.

Ирма внесла поднос: миска горячей каши с салом, хлеб, который я сама пекла утром, кружка отвара. Поставила все это не перед генералом, а рядом со мной. Радан перехватил мой взгляд.

— Ешь, — сказал он. — Я подожду.

Я взяла хлеб, отломила корку и надкусила. Хлеб был мой, сегодняшний, и это было важнее, чем любой разговор. Целительница Зоська говорила, что когда женщина перестает есть, она начинает принимать чужие решения. Я ела. Радан ждал. В зале пахло кашей и дымом, знамя шевелилось надо мной, и где-то в нижнем дворе уже звенели ведрами: Ирма успела отправить туда мальчишку с приказом отскрести камни, повесить новые факелы и принести из кладовой чистые скатерти. Муж ехал с чужой женщиной и поверенным. Значит, к его приезду в зале не должно быть ни одного следа, по которому можно уличить меня в том, что я три года справлялась одна.

Я доела хлеб, обтерла руки о передник и перевернула страницу. На чистой вывела: «Приезд Велета Лорена. Ждать три дня. Подготовить реестр припасов и список оружия. Печать не отдавать. Спросить у Радана копию брачного контракта из палаты». Последнее я подчеркнула дважды. Потом добавила третье: «Узнать, на какие деньги куплена Лара Вельская».

Ирма вернулась и тихо встала у двери.

— Хозяйка, — сказала она, — к воротам подъехал гонец от генерала. Привез ящик.

Радан поднялся.

— Соль. Два мешка. Из моего обоза.

Я посмотрела на него. Он не смотрел на меня. Он смотрел на мои руки, в которых было зажато перо, и я поняла: он впервые за всю войну увидел, что у хозяйки замка руки чернильные, а не чистые.

— Принять, — сказала я Ирме. — Записать как долг ставки. Потом вернем.

Ирма ушла. Я дописала строку, закрыла книгу, положила ладонь на кожаный переплет. Под кожей, между страницами про овес и керосин, лежало письмо мужа с чужими духами. Я представила, как Велет войдет в этот зал, увидит знамя над своим камином, увидит меня за его столом, и на одну секунду мне стало жаль его, а на следующую жаль себя.

— Радан, — сказала я, не отнимая руки от книги. — Когда муж сядет в этом кресле, что я ему должна буду отдать?

Радан ответил не сразу. Он подошел ближе, положил на стол кожаный сверток и развернул его. Внутри лежал солдатский амулет: темный камень в потертой оправе, с тонкой трещиной через середину. Я узнала его. Мы делили его на стене в ночь последнего прорыва, когда кончились стрелы и пришла моя очередь идти к воротам.

— Печать брачного договора, — сказал он. — И ключ от нижней казны. Больше ничего. Если не захочешь.

Я взяла амулет в ладонь. Камень был холодный, тяжелее, чем я помнила, и под моими пальцами вдруг потеплел. На секунду мне показалось, что он узнал мою руку так же, как я узнала его. Я положила амулет на стол, рядом с книгой, накрыла ладонью и не убрала.

— Спасибо, — сказала я. — За соль и за честность.

Радан кивнул и вышел. В зале стало тише. Знамя шевелилось надо мной, и я знала, что у меня осталось ровно три дня на то, чтобы превратить три года одиночества в доказательство, которое не сможет оспорить ни один поверенный.

Я открыла книгу на чистой странице и начала писать заново.

Перо пошло криво. Я переписала строку про овес, и под ладонью на столе гудел амулет. Не громко, как чужой голос, а низко, как будто внутри камня кто-то считал удары моего сердца и сбивался. Я убрала ладонь, посмотрела на буквы, выровняла их и поняла, что больше не могу притворяться, что считаю мешки.

Целительница Зоська говорила: когда камень гудит, значит, кто-то из тех, с кем ты связан кровью, сейчас говорит о тебе и врет. Я подняла амулет, нажала пальцем на трещину и закрыла глаза.

Картинка пришла короткая, как обожженная вспышка. Чужая спальня, слишком много шелка, мужская спина у окна, и женская рука на этой спине с кольцом, которое я не носила. Голос мужа, мягкий, придворный: «Она не узнает, я вернусь к ней, как возвращаются домой». Я разжала пальцы. Обрывок чужой клятвы остался на сетчатке, липкий и точный, как плевок в лицо.

Я встала так резко, что стул скрипнул по камню. В зале никого, только знамя шевелится надо мной от сквозняка, и пахнет салом, гарью и чужими духами, которых здесь быть не должно. Я подошла к двери, открыла и позвала тихо, чтобы не услышала Ирма:

— Ленка.

Девочка появилась из-за угла, босая, в серой рубашке до колен, с перепачканным мукой лицом. Она всегда появлялась, когда я звала, и никогда, когда звали другие. Я присела к ней, положила амулет ей в ладонь и накрыла ее пальцы своими.

— Держи крепко. Не смотри, не слушай, просто держи. Если камень станет горячим, скажи мне первая.

— А если станет холодным? — спросила она.

— Тоже скажи.

Ленка сжала камень обеими руками, прижала к груди и ушла в угол у печи. Я вернулась к столу, открыла книгу на чистой странице и написала крупно: «Лара Вельская. Приезд с мужем. Цель выдать себя за хозяйку. Доказать через ключницу и кашевара, кто кормил гарнизон три года». Подчеркнула, поставила точку и перевернула страницу. На новой вывела: «Амулет. Видение: чужая спальня, кольцо мое, слова Велета. Проверить через реестр палаты, через брачный контракт, через список женщин у походного шатра. Не показывать мужу. Показать нотарию».

Когда я писала «не показывать мужу», дверь открылась. Радан вошел без стука, с мокрым плечом от снега и кожаным свертком под мышкой. Он остановился у стола, посмотрел на мои руки, потом на амулет в руках Ленки, и его лицо стало таким, каким бывает у человека, который проиграл спор, который вел сам с собой всю ночь.

— Марьяна, — сказал он, — я должен тебе отдать это сегодня.

Он положил сверток на стол. Внутри лежал второй амулет, точно такой же, только без трещины. Я поняла сразу: первый камень был мой, второй его, и их разделяли перед последним штурмом, чтобы кровь осталась на обоих.

— Зачем мне два? — спросила я.

— Один помнит, — сказал он. — Второй чувствует. Ты только что увидела.

Я не стала спрашивать, откуда он знает. Генералы всегда знают, откуда ветер, потому что ветер их кормит. Я взяла второй камень, положила в ладонь, и он тут же стал ледяным, как будто меня не узнал. Значит, вспышка в моем старом камне была правдой, а вторая половина сейчас молчала. Муж в замок еще не въехал, клятву не произнес, измена не объявлена.

— Сядь, — сказала я Радану. — У меня три дня, и мне нужен человек, который умеет молчать и считать.

Он сел. Я подвинула ему книгу, чернила и чистый лист.

— Пиши. Имена всех женщин, которые приходили к шатру Велета Лорена за три года войны. Всех, кого вспомнишь. Без титулов, без нежностей, просто имена.

Радан взял перо и начал писать. Я слышала, как скрипит кончик по бумаге, и чувствовала, как первый амулет в руках Ленки стал теплее. Девочка прижала его к груди крепче, посмотрела на меня исподлобья и едва заметно кивнула. Камень снова гудел. Муж сейчас где-то говорил обо мне, и опять неправду.

Через час на столе лежал лист с двенадцатью именами. Через два часа Ирма принесла копию реестра палаты, которую Радан вытребовал у нотариуса под честное слово ставки. Через три часа я знала, что муж заложил замковый луг еще до войны, что Лара Вельская придет с поверенным, и что у меня в руках помимо амулета есть двенадцать имен, два листа копий и одна Ленка-подкидыш, которая никогда не врет.

Я отпустила Радана, заперла дверь на ключ и села на пол рядом с печью. Ленка прижалась ко мне, положила голову мне на плечо. Амулет в ее руках остыл и снова стал просто камнем. За стеной кто-то прошел по коридору, скрипнула половица, и я узнала этот шаг: Ирма. Значит, ужин и чистая скатерть, и новая страница в книге, где я наконец напишу правду.

Ирма вошла без стука, поставила на стол миску горячей каши, ломоть хлеба и кружку с чем-то вонючим, но крепким. Я узнала запах: Зоськина настойка на полыни и шиповнике, от которой всегда хочется спать, но никогда не получается. Ирма посмотрела на книгу, на мои руки, на Ленку у печи и не стала спрашивать, что я писала. Только сказала тихо, чтобы слышала только я:

— Гонец от палаты. Копию реестра залога привезли через час, как ушел генерал. Печать на конверте его.

Я выпрямилась. Значит, Радан не просто принес мне второй амулет и список имен. Он вытребовал у нотариуса копию под честное слово ставки, а потом отправил своего гонца Дарена обратно в город, чтобы тот привез оригинал печати с реестром. Это была уже не помощь соседки. Это была публичная ставка генерала на мою сторону против собственного сюзерена.

— Где конверт? — спросила я.

— У меня в кармане. Я не отдала его никому и не отдам, пока не скажешь.

Я кивнула. Ирма достала из-под передника серый конверт с сургучом, положила рядом с миской и отошла к двери. На сургуче отпечаток драконьей лапы, маленький, грубый, когтем вправо. Я знала эту печать: ставка Радана использовала ее на всех документах, которые шли через его руку. Если копию заверил его нотариус, в палате уже знают, что драконья ставка вписалась в мое дело против Велета Лорена.

Ленка подошла к столу, поставила локоть, подперла кулачком щеку и уставилась на меня.

— Тетя Марьяна, а этот дядя, который приходил с мокрым плечом, он добрый?

— Добрый, — сказала я. — Когда молчит.

Она подумала и кивнула. Я взяла конверт, сломала печать, вытащила лист. Реестр палаты, графа «залог по замку Лорен, северо-восточный луг, сумма, срок, имя залогодержателя». Имя стояло знакомое: торговец Круш из Вельска, тот самый, к которому, по словам кашевара, возил зерно муж в первый год осады. Я перечитала дважды. Залог был оформлен за полгода до того, как Велет ушел на войну. Не после. Не от нужды. Не от голода гарнизона. До войны, когда замок еще стоял спокойно, когда у нас было зерно, когда я не считала мешки по горсти.

Я положила лист рядом с книгой и написала в колонке «доказательства»: «Круш Вельский, залог луга до войны, муж торговался с ним же, зерно гарнизона частично его, оплата из замковой казны без моей подписи». Почерк пополз вправо, я выровняла строку и поставила точку.

В дверь постучали. Тяжело, два раза, как стучат люди, привыкшие к казарме. Ирма открыла, и на порог шагнул Гонец Дарен, мокрый от снега, в чужом полушубке, с синяком под глазом. Он отдал честь не мне, а пустому стулу, потом спохватился и посмотрел мне в глаза.

— Госпожа, — сказал он, — генерал приказал передать, что поверенный мужа едет в замок с двумя стражниками и с сестрой. Будут к утру.

Я закрыла книгу, положила ладонь на переплет и почувствовала под пальцами копию закладной, которую сама вшила утром. Книга лежала на столе, как кирпич в стене.

— Утром, — повторила я. — Значит, у меня ночь.

Я подвинула ему край лавки и кивнула на миску.

— Ешь. Потом расскажешь, кто из стражников мужа пил с его сестрой на постоялом дворе. Имена, даты, кто платил.

Он сел, взял ложку и начал говорить. Имена он ронял ровными короткими фразами, между ложкой и глотком, словно отчитывался на плацу.

— Два стражника при муже давно. Одного зовут Вилей, второго Орт. Вилей пил с его сестрой на постоялом дворе у Серого Брода трижды. Первый раз в середине осени, платила она. Второй раз перед новым годом, платил Вилей из кошелька мужа. Третий раз неделю назад, платил снова Вилей, а она ему подарила серебряный гребень.

Я записывала в книгу, вывела колонку «свидетели», под ней строчку «Вилей, Орт», под ними «сестра мужа Лара Вельская». Подняла глаза.

— Откуда знаешь про гребень?

— Вилей хвастался при мне, — сказал Дарен. — Генерал его за это не наказывал, потому что Вилей ему не подчинен. Но гребень я видел: тонкая работа, женский, с каплей янтаря на рукояти. С такими в Вельске не торгуют, его привозят с побережья.

Я дописала в колонке «доказательства»: «связь Лары Вельской с Вилеем до приезда в замок, гребень побережья, оплата из чужого кошелька», поставила вопрос и обвела его рамкой. Получилось криво. Я зачеркнула рамку и оставила просто вопрос.

— Что еще?

— Лара везет с собой сундучок с печатями палаты Вельска, — сказал Дарен тише. — Вилей хвастался, что там доверенность на имя мужа, по которой он волен говорить от его лица в любом совете, пока муж в походе.

Ленка у печи подняла голову.

— Тетя Марьяна, а доверенность можно отменить?

— Можно, — сказала я, — если она подписана без хозяйского ведома.

— А если хозяйка узнает только сейчас?

— Тогда отмена будет публичной.

Девочка прижала амулет к груди и отвернулась к огню. Я посмотрела на Ирму. Ирма посмотрела на меня. Обе мы знали: если у Лары Вельской есть доверенность от мужа, она имеет право войти в замок как его голос. И если у нее есть печать палаты Вельска, она может подписать от его лица любую бумагу, в том числе отказ от моих прав на ключ и амбар. Тогда завтра к утру в замке будет не сестра, а голос Велета с печатью.

Я закрыла книгу, прижала ладонь к переплету, почувствовала под пальцами копию закладной и двенадцать имен, и сказала себе ровно то, что нужно:

— Ирма, разбуди отца Бронислава. Мне нужно записать в брачный реестр, что мой муж три года не давал о себе знать, а его сестра приезжает в замок с печатями, которые он не мог ей передать законно. Это будет не отмена, это будет заявление о подлоге. Если палата успеет увидеть запись до рассвета, доверенность Лары сгорит сама.

Ирма кивнула и вышла. Я посмотрела на Дарена.

— Вилей и Орт будут ночевать у Серого Брода или поедут ночью?

— Поедут ночью, — сказал он. — Лара боится метели.

— Тогда они приедут не к утру, а к рассвету. У отца Бронислава есть три часа. Больше мне не нужно. Дарен, ты поскачешь обратно к Серому Броду и передашь Вилею и Орту привет от генерала Радана: кто первый войдет в замок без моего разрешения, тот отвечает лично перед ставкой за подлог. Не угроза. Слух. Солдаты понимают слух лучше приказа.

Он встал, отдал честь уже мне и ушел. Я осталась одна с Ленкой и книгой, и впервые за долгий день мне стало не холодно. Амулет в руках девочки снова стал просто камнем. За стеной скрипнула половица под тяжелым шагом Ирмы, и я впервые подумала, что, может быть, доживу до утра не как осажденная, а как хозяйка, у которой есть ночь и список дел на эту ночь.

Я открыла книгу на новой странице, обмакнула перо и вывела первое: «Заявление о подлоге печати. Подать до рассвета через отца Бронислава». Второе: «Имена свидетелей: Ирма Тихо, Гонец Дарен, кашевар, ключница». Третье: «Прошение в палату о ревизии доверенности Лары Вельской». Четвертое я подчеркнула дважды: «Купить нормальный чай». Если уж спасать проклятый драконий род, то хотя бы не на этой горькой бурде.

Ленка зевнула, прижала амулет к груди и тихо спросила:

— Тетя Марьяна, а мы успеем?

— Успеем, — сказала я. — Мы уже начали.

Глава 2. Ключ от кухни

Ключ от кухни лежал у меня на ладони, теплый от печного камня и чужой руки. Я сжала его и спрятала в карман передника раньше, чем Ирма успела переглянуться со мной через стол. За окном еще блестел мокрый снег на конюшенной черепице, и от этого блеска в горнице казалось холоднее, чем есть.

— Хозяйка, — голос Ирмы был ровный, как счет, — поверенный мужа стоит у ворот. С ним двое стражников. И он требует ключ от хозяйских покоев.

Я вытерла руки о мокрое полотенце. Мука, соль, капля крови от пореза — все это осталось на ткани, и я знала, что ключница запишет это в книгу, прежде чем спрятать. У нас было правило: что попало на руки хозяйки — остается в книге.

— Ключ от кухни или от спальни? — спросила я, потому что в этой крепости два замка означали две разные войны.

— От покоев. Говорит, что лорд Лорен желает отдохнуть с дороги и просит приготовить хозяйскую постель.

Я знала цену этой просьбы. Муж, которого я три года считала мертвым, хотел войти в мою спальню как в наследственный ларь, а меня переселить в боковую клетушку, где раньше спала Ленка-подкидыш. Поверенный стоял за воротами с двумя стражниками мужа и печатью на груди. У меня за поясом был только амулет с каплей крови, которую мы с Раданом делили на стене перед прорывом.

Радан Крей вошел в кухню, не постучав. Он никогда не стучал. Он смотрел на мои руки, на полотенце, на ключницу, и я видела, как он считает то же, что и я: сколько хлеба осталось в печи, сколько дров у стены, сколько прав у меня осталось к утру.

— Он не войдет, — сказал Радан, — пока ты не позволишь.

— Он войдет, — ответила я, — потому что он муж.

— Ключ от покоев — это не ключ от кухни. Это ключ от тебя.

Я посмотрела на него так, как смотрела на стену в ту последнюю ночь осады, когда мы решали, кто понесет знамя, а кто останется держать ворота.

— Ирма, — сказала я, — отнеси поверенному второй ключ от хозяйских покоев. На моем поясе пусть висит ключ от кухни и нижней кладовой. Печать брачного договора я перевешу ему на пояс сама, когда он сойдет с коня. Но ключ от кухни я не отдам.

Ирма кивнула, не споря, и ушла. Я слышала, как за дверью звякнуло ведро, как стражник кашлянул, как чьи-то сапоги прошуршали по мокрому снегу. Радан не двигался. Он стоял у печи, и я видела, как амулет у него на груди начал еле заметно теплеть — там, где наша общая кровь лежала под медной пластинкой.

— Если он узнает, — сказал Радан, — он потребует ключ через совет.

— Пусть требует, — ответила я. — А я пока накормлю его гарнизоном и его же долгом. Дай мне две монеты из жалованья. Я куплю соли и поставлю чан с квашеной капустой. Это будет его первый ужин дома, и он запомнит, кто его ждал.

Радан молча положил на стол две монеты. Я взяла их, не считая, потому что знала: этот человек считает каждый грош, который тратит на чужой дом. Я положила монеты в хозяйственную книгу, на страницу с пометкой о соли, и записала: «Два гроша от генерала Крея на корм для гарнизона, который должен мужу Лорену». Ирма вернулась, отдала ключ, и я увидела, как амулет у нее на запястье дрогнул — медная пластинка чуть качнулась, словно кто-то дотронулся до нее изнутри.

Я знала, что это значит. Кровь узнала кровь. Лорен соврал о том, что не был с другой женщиной, прежде чем переступить порог собственного дома. Амулет уже знал это. Теперь это знала и я.

Я вытерла руки, подошла к двери и сказала Ирме, чтобы она передала мужу: ужин будет через час, и я сама накрою стол в нижней зале, но печать брачного договора приму только при свидетелях. А ключ от кухни — мой, и его я не отдам ни ему, ни совету, ни самому королю.

За дверью послышался скрип конской сбруи. Муж въезжал в собственные ворота. А я стояла в своей кухне, с ключом в кармане, который грел мне бедро, и с амулетом, который впервые за долгое время признал, что я ждала не того человека.

Ленка-подкидыш просунула голову в дверь кухни так, чтобы меня было видно, а меня — нет. Щека у нее была перемазана мукой, на лбу — свежая ссадина, и я уже знала, что эту ссадину мне придется объяснять мужу, прежде чем он успеет сделать из нее повод для нового приказа.

— Там, — шепнула она, — дядя Радан велел передать. Кони под седлом, у поверенного мокрый плащ. И он просит тебя выйти к нижнему крыльцу, потому что муж уже сошел с коня.

Я вытерла руки о передник, оставив на ткани темный след от квашеной капусты, которую мы закладывали в чан. Соль кончилась как раз к полудню, и я уже понимала, что нового припаса мы не дождемся: ворота открылись, но обоз мужа уехал на задний двор, и я не видела в нем ни одного замкового мешка. Это означало одно — он приехал с чужим зерном, купленным на чужие деньги.

— Ирма, — сказала я, не отрывая глаз от Ленки, — ключ от нижней кладовой пусть пока побудет у тебя. Если муж спросит — скажи, что замок замерз и я сменю его завтра.

Ирма кивнула, не споря. Она знала: когда я говорю «замок замерз», это значит — я еще не решила, кому его отдавать. В книгу пошла короткая строка: «Нижний ключ оставлен у ключницы по причине мороза. Завтра пересмена». Это была правда. Замок действительно примерз к скобе. Но это была и моя правда: пока ключ у ключницы, он не у мужа.

Я вышла на крыльцо.

Радан стоял у перил. Его плащ был мокрым от мокрого снега, и я заметила, что он держит левую руку в кармане — вторую зиму подряд он так делал в присутствии мужа. Я видела, как каменеют его пальцы, когда он молчит ради меня. Амулет у меня на груди дрогнул, едва я сошла со ступеньки, и я положила ладонь поверх медальона, чтобы никто не видел, как медная пластинка тянется к Радану.

Муж стоял у коновязи. Он был бледнее, чем я запомнила, и суше, и я почувствовала, как что-то во мне отозвалось на эту сухость не жалостью, а старой злостью. Он был красив. Он всегда был красив. Этой красоты мне хватило, чтобы понять, почему три года назад я не вышла за него из любви. Его губы — тонкие, обкусанные — выдавали человека, который привык целовать чужие руки, а не считать зерно.

— Жена, — сказал он, и я услышала, как это слово прозвучало в тишине двора, как кусок свинца на весах. — Ты выглядишь лучше, чем я ждал.

Я не ответила. Я смотрела, как поверенный раскладывает на лавке бумаги, как двое стражников становятся по сторонам двери, как Ленка прячется за моей спиной. Запах его плаща дошел до меня через снег — и я узнала чужие духи. Не стойкие, не тяжелые. Легкие, как дыхание женщины, которая спит рядом и не прячется.

Мой амулет снова дрогнул.

— Лорд Лорен, — ответила я, потому что в этом дворе он был не мужем, а лордом, и я не собиралась давать ему другое обращение, пока он не отдаст мне то, что должен. — Обед будет через час в нижнем зале. Обоз твой я распорядилась поставить под навес, но прошу сначала показать мне накладную, потому что без нее казначей не пропустит зерно на гарнизонный стол.

Лицо мужа дрогнуло.

— Казначей? — переспросил он. — У меня была ключница.

— У тебя была ключница, — повторила я. — Теперь у тебя казначей и я. Ключница под моей рукой. Прошу накладную.

Ветер переменялся, и вместе с ним Радан сделал шаг вперед, закрывая меня от мужа плечом. Это был жест генерала, не человека, и я знала, что он делает это не потому, что хочет встать между мной и чужой постелью, а потому что так меньше будет слышно, как у него холодеют пальцы. Его правая рука осталась в кармане. Амулет у меня на груди гудел ровно, как колокольчик в часовне Отца Бронислава, и я впервые подумала, что эта вещь узнает не только ложь, но и молчание, и я не знаю, что хуже.

Муж посмотрел на Радана, потом на меня. Потом достал из-за пазухи сложенный лист и протянул мне.

— Марьяна, — сказал он тише, и имя в его устах прозвучало как первый снег на могилу. — Я знаю, что у тебя были тяжелые годы. Я привез тебе подарок. Но сначала — ужин, потом разговор. Я устал с дороги.

Я взяла лист. Я не развернула его при нем.

— Ужин будет через час, — повторила я, — и сначала накладная, потом подарок. Так было заведено, когда я держала стену. Так будет заведено теперь.

Радан, не оборачиваясь, снял с пояса свою печать и протянул мне через плечо, не глядя.

— Пусть старший по доволствию видит, как ты считаешь чужое зерно, — сказал он. — Я подожду.

Я положила его печать рядом со своей. Две печати в моих руках. Я впервые за долгое время перестала считать себя одной.

Лист в моей руке был тяжелее, чем я ожидала. Не от бумаги — от того, что я собиралась с ним сделать. Я знала, что не разверну его при муже. Знала и то, что он это поймет. Лорен всегда читал мое молчание, как читают чужую расписку — не доверяя ни единому слову.

Я спрятала лист за пазуху, поверх амулета, и почувствовала, как медная пластинка ложится поверх сложенной бумаги. Два слоя. Две правды. Одну я могу развернуть, другую — нет.

— Час, — повторила я, и голос мой прозвучал ровно, как монеты на столе. — Через час, лорд Лорен. В нижней зале.

Он кивнул. Его губы дрогнули, словно он хотел добавить что-то еще — про подарок, про усталость с дороги, про то, как он рад меня видеть, — но я уже повернулась к Радану, и муж не стал продолжать. Он знал: пока я стою спиной к нему и лицом к генералу, его слова не стоят ни гроша в этом дворе.

Мы пошли к кухне. Не вместе — я первой, он за мной в двух шагах, и я слышала, как он ступает по обледелым ступеням, тяжело, словно каждая доска стоила ему усилия. Снег под ногами хрустел, и я заметила, что Радан идет так, чтобы его следы ложились рядом с моими, а не позади мужа. Это была мелочь. Из таких мелочей обычно и шьют чужую репутацию.

У двери в кухню я остановилась и не обернулась.

— Генерал, — сказала я, — останешься на ужин. Как свидетель.

Он не ответил. Только кивнул, и я увидела, как его левая рука, которую он вынул из кармана, чтобы коснуться дверного косяка, оставила на дереве бледный след от холода. Косяк не был мокрым. Но на нем выступил иней — тонкий, как первый пух на скуле умирающего. Я дотронулась до этого инея кончиками пальцев и тут же отдернула руку. Не от страха. От того, что моя кожа не хотела отпускать его холод.

Ирма уже ждала у стола. Перед ней лежала раскрытая хозяйственная книга, и я знала, что она сама, без меня, вписала в нее время приезда лорда и заметила каждую бумагу, которую поверенный разложил на лавке. Ирма всегда примечала. Это было ее ремесло и ее проклятие.

— Нижний ключ, — сказала я. — Пока у тебя. Если спросит муж — скажешь, что замок замерз, и я сменю его утром.

Она кивнула, не поднимая глаз от книги. Я видела, как ее перо быстро скользнуло по странице: «Лорд вернулся. Обоз чужой. Нижний ключ у ключницы по причине мороза. Сви-

детель — генерал Крей». Я не просила последнего слова. Ирма вписала его сама. Это была ее правда: пока генерал в замке, муж не один.

Я развернула лист.

Это была не накладная. Это была купчая на северный луг — наш луг, тот самый, что кормил замок всю осаду. Лорен продал его. Еще до войны. Я смотрела на печать палаты, на дату, поставленную за два месяца до его отъезда, и понимала, что три года я держала стену на земле, которая ему уже не принадлежала. Кредитор ждал. Кредитор всегда ждал.

Амулет у меня на груди не дрогнул. Он загудел — тихо, низко, как шмель в стеклянной банке. Лорен не соврал мне о луге. Он просто забыл мне сказать.

Писец поднял перо. — Ирма, — сказала я, и голос мой не дрогнул, и я гордилась этим больше, чем следовало. — Впиши. Северный луг продан до войны. Купчая от его имени. Печать палаты. Число — за два месяца до его отъезда.

Ирма вписала. Ее перо не дрогнуло.

Я сложила лист обратно и спрятала за пазуху, к амулету. Два слоя. Две правды. Одну я развернула, другую — нет.

— Ужин через час, — повторила я, и это было не для мужа. Это было для себя. — Нижняя зала. При свидетелях. Муж, генерал, ключница. Старший по довольствию пусть принесет весы.

Ирма кивнула. Радан за моей спиной не сказал ни слова, и я слышала только, как он дышит — ровно, медленно, как дышит человек, который привык ждать приказов. Но я знала: он ждал не приказа. Он ждал, чтобы я повернулась.

Я не повернулась.

Я пошла к котлу, потому что ужин нужно было готовить, и потому что руки мои должны были занять себя делом, прежде чем они займут себя чем-нибудь другим. Тесто под пальцами было теплым, и я месила его так, словно хотела выместить из него все годы молчания, все письма, которые я не написала, все ночи, когда я не ждала его возвращения, а ждала просто чужого голоса в дверях.

Ленка просунула голову из-за бочки с капустой.

— Тетя Марьяна, — прошептала она. — Дядя Радан стоит в дверях и смотрит на тебя.

Я не обернулась. Я продолжала месить.

— Пусть смотрит, — сказала я. — Это его работа. Смотреть и молчать.

И впервые за долгое время я пожалела, что это правда.

Тесто под пальцами стало гладким, но я не остановилась. Кулак входил в муку и возвращался обратно, и это было единственное занятие, которое сейчас не требовало от меня улыбки.

Радан не перебил. — Ирма, — сказала я, не оборачиваясь. — Проверь, чтобы у мужа на столе был хлеб из замковой муки. Никаких запасов из обоза. Он ест то, что я кормила гарнизон.

— Слушаю, — ответила она коротко.

— Ленка, — позвала я девочку, которая все еще сидела у бочки. — Иди в залу. Сядь в углу у двери. Когда лорд Лорен войдет, ты скажешь ему: «Ужин подан, лорд». И все. Больше ничего. Справишься?

— А если он спросит, зачем я там? — Ленка выглянула из-за капусты.

— Скажешь, что тебя послала ключница. И молчишь. Это тоже приказ.

Она кивнула, серьезная, как маленький стражник, и ушла, шмыгнув носом от холода.

Я развернула амулет в руке. Камень был теплым — не от моей кожи. Он узнал ладонь Радана, когда тот передал его мне через плечо, и теперь не хотел отпускать чужое тепло. Это было плохо. Это значило, что узы крови помнят то, что я запрещаю себе помнить.

— Генерал, — сказала я, и голос мой звучал ровно, как ему и полагалось. — Зайди.

Он вошел в кухню, и воздух стал гуще. Не от его запаха — от его молчания. Я не смотрела на него, но я знала, как он сейчас стоит: правая рука у пояса, левая вдоль тела, подбородок чуть опущен. Так он стоял на стене перед прорывом, когда мы делили амулет.

— Подойди к столу, — велела я. — Положи левую руку на тесто.

Он подошел. Положил. Его ладонь была холодной, и я почувствовала, как мука под ней поднимается легким облачком. Не от движения — от его холода. Я накрыла его ладонь своей и надавила, чтобы обе руки вошли в тесто вместе. Амулет у меня на груди вспыхнул жаром, и я закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

— Видишь, — сказала я, и мой голос был почти спокойным. — Так мы будем ужинать. Вместе. При свидетелях. И если твоя рука будет холодной, я это почувствую через тесто. А если моя — ты. Это не магия, генерал. Это ужин.

— Марьяна, — сказал он тихо, и его имя в его устах прозвучало не как приказ, а как просьба. — Зачем?

— Затем, что я устала считать себя одной, — ответила я и не узнала своего голоса. — И затем, что у меня больше нет мужа, который бы это заметил.

Я убрала руки из теста, обтерла их о фартук и пошла к выходу. У двери я остановилась.

— Через полчаса, — бросила я через плечо. — Нижняя зала. Если опоздаешь, я съем твою порцию.

Он не ответил. Только кивнул, и я услышала, как его ладонь все еще лежит на теплом тесте, вмятая в муку, словно он не решался ее убрать.

Я считала удары сердца у виска, пока шла по коридору. Десять. Двенадцать. На пятнадцатом я остановилась у хозяйственной комнаты и толкнула дверь плечом. Замок на ней уже был сменен — ключница успела. Спасибо Ирме, у которой руки быстрее, чем у меня мысли.

Внутри пахло сушеной мятой и хозяйственным мылом. На столе лежала раскрытая книга домового учета, та самая, в переплет которой я вшила копию закладной. Я села, раскрыла чистую страницу и обмакнула перо.

«Кухня. Ужин. Нижняя зала. Свидетели: ключница, кашевар, генерал Крей, подкидыш Ленка». Я писала медленно, выводя каждую букву. Это был не отчет. Это был протокол.

За стеной послышались шаги — тяжелые, неровные. Радан. Он не стал заходить. Топтался в коридоре, как солдат на плацу, которому не отдали приказ. Я слышала, как он переступил с ноги на ногу, и это было почти смешно. Почти.

— Войди, — сказала я, не поднимая головы. — Закрой дверь.

Он вошел. Закрыл. Воздух снова стал плотным, но теперь к нему примешивался запах холодного камня — он долго стоял у стены. Я кивнула на стул напротив. Он сел, и стул жалобно скрипнул под его весом.

— Муж сейчас войдет в залу, — сказала я, не отрывая глаз от книги. — Он увидит тесто, которое мы месили. Он увидит нас вместе. Он сделает выводы.

— Марьяна.

— Это не сплетня. Это порядок. Я не дам ему думать, что я ждала его у порога. Я дам ему увидеть, что я жила без него, — перо царапнуло бумагу, — и что я не собираюсь делать вид, будто рада.

Радан молчал. Я подняла голову. Его ладонь лежала на столешнице, и я видела, как побелели костяшки. Он держал себя так, словно боялся дотронуться до чего-то важного.

— Генерал, — сказала я тише. — Ты потеряешь еще силы, если будешь молчать ради меня. Я знаю правило.

Он дернул подбородком.

— Тогда я не буду молчать. Я скажу ему правду при всех. Что ты три года держала его замок. Что ты спасла его людей. Что его купчая на луг — не твоя вина, а его долг.

Я стиснула перо.

— Нет. Правда при всех — это его позор. А мне нужен его кошелек, не его стыд. Я хочу, чтобы он сам подписал отказ от довольствия гарнизона. Тихо. На бумаге.

Радан смотрел на меня так, словно впервые видел. Я не выдержала его взгляда и опустила глаза.

— Ты хитрая, — сказал он почти без голоса.

— Я устала. Это разные вещи.

За дверью послышались шаги Ирмы — легкие, частые. Она не постучала. Она знала, что я не люблю стук, когда пишу.

— Марьяна, — сказала она из-за двери. — Лорд Лорен в зале. С ним поверенный. И Лара Вельская. Она приехала час назад. Ее не ждали.

Я медленно положила перо.

— Что она делает?

— Сидит на хозяйском месте. На твоём месте. И улыбается.

У меня свело челюсть. Лара. Сводная сестра мужа, которая приехала «помочь» с приемом. Которая три года не прислала ни одного письма. Которая сейчас сидит в моем кресле и улыбается.

Я встала. Радан встал тоже, и между нами снова стало тесно, как перед прорывом.

— Пошли, — сказала я. — Ужин подан. И у меня для нее найдется ложка.

Я вышла в коридор и на ходу одернула фартук. На груди гул амулета стал ровным, деловым, как у гонца перед дорогой. Это значило: ложь уже в зале. И я знала, чья.

Я вышла в коридор и прислонилась к стене. Амулет жег кожу сквозь рубашку. Я положила на него ладонь и почувствовала, как камень пульсирует в такт моему сердцу, и в этом пульсе было что-то похожее на отчаяние, и на злость, и на ту самую нежность, которую я запрещала себе еще три года назад.

Я не пойду в залу одна. Я войду туда, когда он будет рядом, и пусть весь двор видит: его ладонь помнит мою. И пусть Лорен смотрит, как мы месим его хлеб.

— Ирма, — крикнула я, не оборачиваясь. — Неси тесто в залу. И скажи мужу, что ужин подан.

Глава 3. Печать на ладони

Я вела пальцем по строчке и чувствовала, как чернила липнут к подушечке. Хозяйственная книга лежала на столе, раскрытая на странице долга: три года осады, четыреста два мешка зерна, восемьдесят три бочки солонины, сорок девять лошадей, которых мы кормили по очереди, как собственных детей. Цифры я знала наизусть, но сегодня мне нужны были не цифры, а подпись под ними. Книга лежала в хозяйственной комнате ключницы, рядом с моей чашкой остывшего отвара, и пахла старой кожей, сухим воском и тем особенным запахом сырой шерсти, который оставался у меня на пальцах после того, как я собственноручно пересчитывала мешки на заднем дворе.

Ирма Тихо стояла у двери, сложив руки на переднике. Она молчала уже третью минуту, что для нее было почти криком. Я подняла голову, и она заговорила тихо, как считала:

— Гонец Дарен привез. Генерал Радан Крей просит принять его в хозяйственной, прежде чем совет сядет.

Я закрыла книгу, но не убрала палец из-за корешка.

— Пусть войдет.

Ирма кивнула и отступила в коридор. Я слышала, как она тихо сказала что-то гонцу, потом тяжелые шаги по каменному полу, и запахло холодным железом, дымом и чужим конем. Радан вошел, не снимая перчаток, остановился у порога и коротко кивнул. Его сапог был в грязи, плащ — в мокром снегу, и я впервые за долгое время увидела его таким: не генеральским знаменем, а просто усталым человеком, который проехал тридцать верст до рассвета.

— Марьяна, — сказал он, и имя в его голосе звучало ровно, без звания, без просьбы, — твой муж сегодня будет в зале. Он уже в замке.

Я выпрямила спину. Пальцы сами сжали край книги.

— Знаю. Ирма доложила.

— Он потребует печать и ключ от нижней казны.

— Я знаю и это.

Радан чуть двинул подбородком, и я поймала этот жест, потому что за три года осады научилась читать его лицо, как собственные записи. Он не спорил, не давил, не уговаривал. Он просто привез мне чужое знамя, и я должна была сама решить, что с ним делать.

— Присядь, — сказала я. — Раз уж приехал.

Он сел на лавку у стены, вытянул ноги, положил руки на колени. Перчатки он так и не снял. Я заметила, что кожа на его правой руке чуть посинела у костяшек, будто он долго держал что-то на морозе. Я не спросила. Не мое дело. Не сейчас.

— Мне нужно письменное подтверждение, — сказала я, открывая книгу на чистой странице. — Если он получает печать и ключ, он обязан подтвердить, что довольствие гарнизона, которое я наладила, остается. Каждый мешок, каждая бочка, каждый луг. Подпись, печать палаты, дата. Иначе я ключ не отдам.

Радан молчал. Я видела, как он медленно сжал и разжал пальцы правой руки, будто проверял, слушаются ли они.

— Ты знаешь, что он откажет, — сказал он наконец, тихо и без утешения.

— Знаю.

— Тогда зачем просить?

Я подняла на него глаза. Утренний свет лежал на его лице косо, подсвечивая седую прядь у виска и ту сдержанную усталость, которую я научилась узнавать.

— Затем, что без письменного отказа я не смогу кормить людей зимой. А с письменным отказом смогу подать прошение в палату и доказать, что он оставил гарнизон без довольствия. Это юридическая разница, Радан. Не моя прихоть.

Он чуть кивнул, но взгляд не отвел. В нем было что-то, чего я не хотела видеть: узнавание, осторожное, мужское, и в то же время — готовность уйти, если я прикажу. Я не приказывала. Я не просила. Я просто смотрела на него поверх собственной книги, и между нами стоял мокрый снег, чужой долг и моя собственная подпись, которую я еще не поставила.

— Где сейчас Кейлан? — спросила я.

— В зале. С поверенным и казначеем. Ждет тебя.

— Подождет.

Я взяла перо, обмакнула в чернила и начала писать. Я писала ровно, как учила меня Целительница Зоська: «Подтверждаю, что обязательства по довольствию гарнизона замка Лорен, принятые на себя Марьяной Лорен в годы осады, сохраняются в полном объеме. Печать, дата, подпись». Под «сохраняются» я поставила точку и трижды обвела. Пусть видит, что я знаю цену каждой точки.

Радан поднялся. Он не двинулся ко мне, только чуть переступил с ноги на ногу, и я услышала, как скрипнула кожа его перчатки.

— Я буду в зале, — сказал он. — Если ты отдашь печать ему в руки, я выйду. Если попросишь задержаться, останусь.

Я не подняла головы.

— Будь в зале. Когда он начнет давить, молчи. Пусть говорит он.

Радан чуть склонил голову и вышел. Я слышала, как его шаги удаляются по коридору, и снег на его сапогах оставлял на камне мокрые следы, которые никто не стал вытирать. Я дописала строку, положила перо и закрыла книгу. Потом вынула из ящика печать брачного договора — тяжелую, холодную, с моим именем, вырезанным по металлу — и положила ее на стол рядом с ключом от нижней казны. Оба предмета лежали тихо, как перед сделкой, которая изменит все.

В зал я вошла одна. За мной шла Ирма с книгой, за ней — Гонец Дарен с моим письменным требованием, свернутым в трубку. Радан стоял у окна, прислонившись плечом к стене, и смотрел на дверь, через которую должен был войти мой муж. Наши глаза встретились на одно короткое мгновение — и я отвернулась первой, потому что не имела права смотреть на него дольше, чем на собственный долг.

Кейлан Лорен вошел в зал, как входят хозяева, которые слишком долго были в гостях. Он был одет в дорожное, но дорогое, пах одеколоном и чужим конюшной, и на его пальце блестело кольцо, которого я не видела три года. Он улыбнулся мне, и улыбка у него была теплая, гладкая и совершенно пустая.

— Марьяна, — сказал он, — жена моя.

Я протянула ему печать и ключ обеими руками, как требует обычай, и он принял их, не коснувшись моих пальцев.

— Подтверждение, — сказала я. — О довольствии гарнизона. Письменно, с печатью палаты.

Кейлан посмотрел на меня, потом на Радана у окна, потом снова на меня, и его улыбка стала чуть тоньше.

— Жена моя, — повторил он, — сейчас не время для бумаг.

— Сейчас самое время, — ответила я, и мой голос звучал ровно, без повышения, без просьбы. — Иначе я печать не отдам.

Он отказал. Он отказал так гладко, что я даже не успела разозлиться: просто кивнул, спрятал ключ в карман, печать положил на стол, как кладут фишку, которая ему не принадлежит, и вежливо добавил, что займется этим позже. Я знала, что «позже» не будет. Я знала, что в эту секунду потеряла право кормить своих людей из своей казны, и что выиграла право подать прошение в палату, в котором будет записано его «нет». Радан у окна не двинулся. Только

его правая рука чуть дрогнула, и я впервые заметила, что он сжал пальцы в кулак, а перчатка натянулась на костяшках с тихим, сухим звуком, похожим на треск льда.

Я подняла свою книгу, прижала к груди и вышла из зала. У двери я обернулась. Кейлан уже говорил с поверженным, наклонившись к его уху, и его рука лежала на моей печати, как на чужом плече. Радан все еще стоял у окна, и свет лежал на его лице косо, как утром в хозяйственной, и я подумала — коротко, запретно, ненавидя себя за это — что в этой комнате только он один знает, чего мне стоило уйти, не обернувшись.

Я шла по коридору и считала шаги. Двадцать до поворота, сорок до кухни, шестьдесят до хозяйственной комнаты. Мне нужно было ровное дыхание и холодная голова, потому что в кармане у мужа лежала моя печать, а в зале уже наверняка пили за его возвращение, и я не желала слышать, как чужое веселье обгрызает мои три года у стены.

На кухне пахло подгоревшей кашей и мокрым деревом. Целительница Зоська стояла у очага, помешивая отвар, и не обернулась, хотя слышала мои шаги еще от двери.

— Где Ленка-подкидыш? — спросила я.

— У ларя с крупами, — Целительница кивнула на угол. — Пересчитывает мешки. Я ей сказала считать вслух, чтобы никто не заявил потом, что половина растворилась.

Я села на лавку, положила рядом книгу, открыла чистую страницу и прижала ее медным прессом. Руки у меня были ледяные, и я согревала их о металл, чтобы перестать дрожать. Ленка подошла с грязной тетрадкой, перепачканными пальцами и серьезным лицом взрослой дурочки, которая делает вид, что ей поручили дело.

— Хозяйка, — сказала она, — в ларе четырнадцать мешков. По списку должно быть шестнадцать. Двух нет.

Я записала. Шестнадцать минус два — четырнадцать. Два мешка крупы, господин казначей уже считает чужую кашу. Я подняла глаза на Целительницу.

— Кто выносил ключ от ларя?

— Ирма, — Целительница наконец обернулась. — Он у Ирмы. Ирма выдавала по моей записке. У меня запись есть.

— Хорошо. Пусть Ирма принесет ключ и запись. И позови кашевара, — я посмотрела на дверь и добавила тише, — и скажи Гонцу Дарену, чтобы он нашел Радана. Сюда, на кухню. Не в зал.

Целительница ничего не спросила. Она сняла фартук, повесила его на гвоздь и вышла, и я слышала, как за дверью она говорит что-то ворчливое, но разборчивое, по кухонному.

Я открыла другой ларь, тот, где хранится солонина. Вчера там было восемь окороков, сегодня — семь. Я пересчитала дважды, потом велела Ленке снять шапку, залезть на полку и посмотреть в дальний угол.

— Семь, — сказала Ленка сверху. — Но под третьим лежит обрывок печати. Я не трогала.

Я забрала обрывок. Это была не печать палаты, это была чья-то личная метка оружейника, вырезанная на куске сургуча. Я завернула его в чистую тряпицу, положила в книгу между страницами и записала: «Солонина, окорок №3 из ларя, обрывок метки неустановленного мастера, изъят из-под продукта». Пусть кто хочет, пусть доказывает, что это случайность.

Радан вошел без стука, переодетый в сухое, и молча встал у стены, где было тепло от очага. Я заметила, что он держит правую руку в кармане, и это значило, что холод в пальцах не прошел.

— Садись, — сказала я и вернулась к записи.

— Что случилось? — спросил он тихо.

Я протянула ему обрывок сургуча. Он повертел его длинными пальцами, не касаясь моей руки, понюхал, потом посмотрел на меня с тем выражением, от которого у меня внутри всегда натягивалась струна, которую я не просила натягивать.

— Не наш, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я. — Это с чужого обоза.

В кухню вошел кашевар, мокрый после дождя, на ходу вытирая руки о передник. Он поклонился Радану коротко, мне — ниже, потому что я для него по-прежнему оставалась хозяйкой, пока палата не сказала обратное. Я вывела его к ларю, велела открыть, и он, крикнув, полез внутрь, а потом вылез с тем же лицом, которое я знала по трем годам осады: лицом человека, который увидел, что его обокрали ровно настолько, чтобы он мог это доказать.

— Хозяйка, — сказал он, — я выдавал солонину по именам. У меня запись. Получали Бронислав, Торбин, Дарен, Зоська, Ленка — по указке. Окорочков было восемь. Сегодня я пришел — семь. Ночью никто из гарнизона к кухне не ходил, я проверял.

— Кто мог войти? — спросила я.

— Только тот, у кого есть ключ от кухни или от ларя, — он посмотрел на мою руку, где раньше висел ключ. — Или тот, кому дали второй ключ сегодня.

Я почувствовала, как у меня на затылке волосы встают дыбом. Сегодня Радан не двинулся, но я слышала, как в его кармане чуть скрипнула перчатка, и я знала, что он понял. Мой муж получил печать и ключ от нижней казни сегодня днем, а уже к ночи в ларе стало на один окорок меньше, а под него подложили чужую метку. Либо мой муж открыл чужой обоз моим ключом, либо кто-то в замке действует от его имени, и в обоих случаях это уже не сплетня, а улика.

Я дописала страницу, поставила точку, обвела три раза, как обещала себе утром, и закрыла книгу.

— Кашевар, — сказала я, — с этой минуты ключ от ларя только у тебя и у Ирмы. Никому. Ни по какой записке, кроме моей. Если спросит муж — скажешь, что ключ я забрала под расписку и передала в хозяйственную комнату. Если начнут давить — пошлешь ко мне.

Кашевар молча кивнул. Ленка с верхней полки спросила сверху:

— Хозяйка, а теперь можно спуститься?

— Можно. Иди к Зоське. Неси сюда бинты, и пусть Радан тебе поможет. Я знаю, что у него руки сегодня холодные. У меня тоже. Поможете друг другу.

Ленка прыгнула, шмыгнула носом, посмотрела на Радана с детским любопытством, от которого у меня сжалось горло, потому что его она тоже видела насквозь. Я осталась у ларя одна. В тишине было слышно, как за стеной, в зале, мой муж говорит тост за собственное возвращение, и кто-то из его людей смеется слишком громко, а мой гарнизон молчит.

Я открыла книгу снова, перечитала свою запись про окорок и обрывок метки, и у меня внутри стало очень тихо и очень ясно: я еще не знаю, чья рука забрала мясо из моего ларя, но я уже знаю, что без письменного отказа мужа зимой будет голодно, и что единственный человек в этом доме, который сегодня не притворяется, что все хорошо, — это девочка на табурете, которая считает мешки вслух.

Я взяла свечу, зажгла, поставила на стол и начала писать новую страницу: «Реестр недостач по замку Лорен за сутки после возвращения хозяина».

Зоська вошла раньше, чем я успела обмакнуть перо. Она несла таз с теплой водой, чистые бинты и ту самую мазь, от которой по кухне расплылся запах можжевельника и топленого жира, и я сразу поняла: кто-то уже успел ей рассказать, зачем я звала Радана на кухню, а она не из тех, кого можно обмануть тишиной.

— Хозяйка, — она поставила таз на лавку рядом со мной, — бинты подавать тебе или ему?

— Радану, — сказала я. — У него правая рука не гнется нормально после вчерашнего разговора с казначеем.

Она фыркнула, посмотрела на Радана без жалости, только с привычной хозяйский прищуром, и приказала ему сесть на лавку у очага. Он сел молча, послушно, что само по себе стоило дороже любой клятвы: этот человек привык командовать тысячами, а здесь сидел и не

спорил с моей травницей, потому что понимал — в этом доме сейчас я решаю, кому перевязывают руки и из чьего ларя выдают солонину.

Зоська сняла с него перчатку. Я увидела его пальцы — длинные, с проступающими венами — и то, как они покраснели по самые костяшки, будто их прижгли. Мне стало холодно в тепле, потому что я знала цену: каждый раз, когда Радан молчал ради меня, его драконья сила уходила в эту красноту и синеву на запястьях. Сегодня он, значит, держал в себе что-то важное. Я не спросила — не имела права спрашивать, пока сама не решила, готова ли я это услышать.

— Марьяна, — Зоська позвала меня по имени, и я не сразу откликнулась, потому что от этого имени в его присутствии у меня всегда перехватывало горло, — мне нужно, чтобы ты прижала ему запястье. Минуту, не больше. Моя ладонь не греет так, как твоя.

Я не стала спорить. Я положила свою ладонь поверх его запястья и почувствовала, как под кожей что-то мелко задрожало, будто там билась вторая пульсовая жила, которой у человека быть не должно. Я держала. Он не смотрел на меня, смотрел в огонь, и я видела, как желвак у него на челюсти ходит туда-сюда, как у человека, который терпит боль и одновременно терпит то, что эта боль для него значит больше, чем он готов признать.

— Хватит, — сказала Зоська через минуту. Я убрала руку, и у меня в ладони остался слабый привкус железа и хвои, будто я только что держала раскаленную подкову. Я сжала пальцы в кулак, чтобы не выдать, что мне жарко.

Радан поднял на меня глаза. Серые, тяжелые, с красными прожилками, каких я раньше у него не видела. Он не поблагодарил, потому что мы оба знали, что благодарить тут нечего. Он кивнул одному Зоське, встал, и правая рука у него снова слушалась.

— Я пойду к воротам, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только я. — Если он пошлет кого-то к казне до утра, я узнаю первым.

— Иди, — ответила я. — Только сначала поешь. У нас теперь каждый обед — на счету, а ты не лошадь.

Он на мгновение опустил уголок рта — не улыбка, тень того, что могло бы ею стать, если бы мы жили в другое время и в другом замке — и вышел. Я слышала, как за стеной замолкли голоса в зале: видимо, кто-то из Велета уже почувствовал, что мой дракон снова рядом, и решил не шуметь.

Я вернулась к книге. Перо в моих пальцах не дрожало. Я записала: «Радан Крей, правая рука, перевязка, Зоська, жар в кости, мне — отдача в ладонь, длительность — меньше минуты, без жалоб с его стороны». Пусть это будет вписано в книгу. Пусть будет кому проверить, если кто-то спросит, откуда у генерала Крея красные руки через неделю после того, как он объявил моему мужу, что дракон больше не служит его дому.

В дверь постучали. Коротко, сухо, уверенно. Так стучит человек, который привык, что ему открывают.

— Войдите, — сказала я, не поднимая головы.

Это был казначей мужа. Тот самый, с длинным лицом и кожаной сумкой через плечо. Он вошел, окинул взглядом кухню, как будто впервые увидел, что здесь живут, и остановился в двух шагах от меня.

— Леди Лорен, — сказал он, — ваш муж просит передать вам, что завтра в полдень в зале будет совет, и он хотел бы видеть реестр гарнизонного оружия, подписанный вашей рукой. Я подняла глаза.

— Передайте мужу, — сказала я очень ровно, — что реестр будет. Я составлю его сама и принесу с печатью ключницы. Без печати документ силы не имеет, а моя печать сегодня на моем поясе.

Казначей моргнул. Он не ожидал, что я знаю процедуру. Он ожидал, что я испугаюсь, или расплачусь, или начну торговаться через третьи руки. Я сидела за своей книгой, у меня были

теплые ладони и холодная голова, и я впервые за этот день почувствовала, что могу выиграть хотя бы один раунд.

Я перечитала собственную запись о перевязке и поняла, что перо слишком крепко стоит в пальцах, а это значит, что я злюсь на саму себя за то, что так подробно описала красные руки чужого мужчины в своей хозяйственной книге. Вычеркнула строку про жар в кости. Оставила только: «Радан Крей, правая рука, перевязка, Зоська, длительность меньше минуты, без жалоб». Хватит с него и этого. Моя книга — не летопись его тела.

Казначей все еще стоял у порога. Он переминался с ноги на ногу, и я видела, как его взгляд скользит по моему поясу, ищет печать, не находит, и в глазах мелькает то самое выражение, которое я за три года осады научилась читать безошибочно: мужчина привык, что ему отдают, и не понимает, почему здесь ему предлагают ждать.

— Лорд Лорен, — сказала я очень ровно, — просил реестр оружия. Я составляю его сама, у каждого меча и лука укажу имя солдата, который его носит. Это сильнее любой жалобы. Передайте ему, что я принесу список в зал к полудню, с печатью ключницы и подписью кашевара как свидетеля. Без печати документ силы не имеет, а моя печать сегодня на моем поясе.

Он кивнул, сухо, как человек, которому только что объяснили, что он не хозяин в чужом доме, и вышел. Я слышала, как его шаги затихли за дверью, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Зоська не шевельнулась. Она стояла у лавки, сложив руки на фартуке, и смотрела на меня тем взглядом, которым смотрела с тех пор, как я была девочкой с обожженными оладьями: без похвалы, без жалости, просто проверяя, твердо ли я стою.

— Хозяйка, — сказала она наконец, — ты сейчас выиграла полчаса. Не больше. Он пойдет к мужу, муж поймет, что ты не испугалась, и к вечеру у нас будет либо новый приказ, либо новый гость.

— Я знаю, — ответила я.

Я знала и еще кое-что: пока казначей шел через двор, его видел мой гарнизон. Тот самый гарнизон, который три года молчал, потому что я просила молчать, и который теперь впервые за долгое время увидел, как человек из свиты мужа выходит из моей кухни с лицом человека, которому только что отказали. Это не победа. Это только первый зазор в броне, которую Велет Лорен считал непроницаемой.

Я взяла свечу, переставила ее ближе к книге и открыла чистую страницу. «Перепись гарнизонного оружия. Замок Лорен. Составлено собственноручно хозяйкой замка». Под этим я вывела первую строку: «Большой меч северной стражи, клинок с двумя зазубринами у гарды, владелец — стражник Тарас, выдан при обороне восточной стены в год осады». У каждого имени я поставлю завтра живую подпись. Пусть потом Велет попробует доказать, что этот меч был его, а не мой.

За стеной снова зашумели. На этот раз голос принадлежал не мужу — голосу его сводной сестры, Лары Вельской. Она говорила так, как говорят люди, которые уверены, что их слушают стены: громко, с придыханием, с расставленными паузами.

— ...конечно, дорогой брат, я так рада, что вы с Марьяной наконец вместе. Я знаю, чего ей стоило ждать. Я ей сочувствую. Я ей всегда сочувствовала.

Я не подняла головы. Я продолжала писать. «Арбалет малый, тетива перетянута в марте, владелец — стражница Нежа, выдана при обороне северного крыла». Мое перо не дрожало. Мои руки, которые только что держали чужое запястье и чувствовали под кожей чужой жар, теперь спокойно выводили букву за буквой, и в каждой букве был мой замок, мой гарнизон и мое право сказать завтра в зале: «Это мое. Я это вела. Я это сберегла. Попробуйте отнять».

Лара говорила за стеной что-то еще, но я больше не слушала. Я слушала только то, как свеча потрескивает рядом с чернилами, и как за окном, в темноте, кто-то из моих стражников обходит стену ровным шагом, и я знала, что этот шаг — мой, и этот замок — мой, и эта книга

— моя, и никакой муж, никакая своя сестра, никакой дракон не заберут у меня это право писать своей рукой.

Утром я пойду по казарме. Перепишу каждый меч. Поставлю каждому солдату подпись. И завтра в полдень Велет Лорен получит от меня не жалобу, не слезу, не торг через третьи руки — а документ, против которого у него нет ни единого слова, потому что за каждой строкой стоит живой человек, который три года держал его стену.

Глава 4. Письмо из архива

Я закатала рукава по локоть и поставила миску с теплой водой на табурет. Правая рука Радана лежала на столешнице, как чужая: синева на костяшках, кожа натянута, под ней будто проступили кости. Зоська стояла за моей спиной, ее шаркающие шаги я слышала прежде слов.

— Ожог, — сказала она коротко. — Не от огня. От того, что он не выпустил.

Я не переспрашивала. Я уже видела такие руки у солдат, которые держали меч в рукопашной до хруста в кости. Радан молчал, как молчал всю дорогу от ворот до лечебной, и это молчание стоило ему больше, чем любая клятва.

Я размотала бинт, смочила ткань в отваре, и под ней открылась красная, лоснящаяся кожа. Радан не дрогнул, только зрачки сузились.

— Это за меня, — сказала я, не спрашивая.

— Не за тебя, — ответил он. — За то, что молчу не по своей воле.

Я промокнула рану. Отвар пах полынью и чем-то медово-горьким, я знала этот запах: Зоська варила его только для тех, кто платит собой. Пальцы мои чуть дрогнули, когда я перевернула его ладонь, и я почувствовала под кожей вторую пульсовую жилу, тонкую, живую. Она билась ровно, как моя собственная, только чуть медленнее.

— Держи, — сказала я тихо и прижала свою ладонь к его запястью.

Он не ответил, но под моей кожей что-то коротко вспыхнуло и отпустило. Радан медленно разжал пальцы, согнул их, снова согнул. Синева на костяшках пошла на убыль, как тающий иней.

— Теперь работай, — бросила Зоська из угла. — А ты, генерал, марш на кухню, там суп.

Радан встал. Посмотрел на меня так, будто хотел сказать что-то длинное, но вместо этого просто натянул рукав и вышел. На столе осталось влажное пятно в форме его ладони, и я накрыла его чистой тряпицей, прежде чем кто-нибудь увидит.

В коридоре уже ждала Ирма с ключами.

— Казначей мужа, — сказала она тихо. — Принес реестр оружия. Требуется к полудню завтра.

Я вытерла руки о передник и пошла за ней. Поверенный сидел в хозяйственной комнате, на моем месте, за моей книгой. Я остановилась в дверях, глядя, как он водит пальцем по моим записям, будто это его право.

— Встань, — сказала я ровно. — За этим столом сидит ключница, когда меня нет.

Он встал неохотно, с усмешкой человека, который привык, что его боятся.

— Реестр, — он положил свиток на стол. — К полудню, с именами каждого меча.

— Будет, — ответила я и подвинула свиток обратно к нему. — С именами солдат, с печатью ключницы и подписью кашевара. Этот реестр сильнее твоей жалобы, поверенный. У каждого клинка будет хозяин, и каждый хозяин подтвердит, что меч у него в руках.

Он прищурился. Я видела, как он прикидывает, куда деться: жаловаться мужу, что я перехватила инициативу, или принять как есть. Принял. Кивнул, собрал свой свиток и вышел, нарочно громко ступая по моему чистому полу.

Я села за стол и раскрыла хозяйственную книгу. Имена солдат я знала наизусть: каждое утро они приходили на переключку, и я три года смотрела им в глаза. Мельников сын Тарас, Гордей Кривой, Лаврен Безух, Микула с перевязанным запястьем. Я писала их в столбик, и рядом ставила номер клинка, который выдавала им сама.

Когда дошла до тридцать седьмого меча, дверь скрипнула. На пороге стоял Велет. Без стука, как к себе домой. Он вошел, окинул взглядом комнату, и я увидела, как его глаза задержались на книге.

— Жена, — сказал он мягко. — Мне сказали, ты занялась реестром.

— Я занялась своим делом, — ответила я, не поднимая головы. — Сядь. Если хочешь чаю, позову Ирму.

Он сел, сложил руки на столе, как договаривающийся.

— Ты понимаешь, что это не твоя книга. Это книга замка.

Я подняла глаза.

— Эта книга — моя, — сказала я. — Я начала ее первой строкой, когда ты уходил на войну. И закончу ее тоже я.

Он откинулся на лавке, посмотрел на меня так, будто впервые увидел. Мне было все равно, что он увидел. Я снова опустила перо в чернила и вывела имя тридцать восьмого солдата ровным, спокойным почерком.

Я дописала тридцать восьмое имя и отложила перо. Чернила еще блестели, когда в коридоре послышались шаги Ирмы: не ее обычная поступь, а быстрая, как у человека, который бежит, не показывая вида.

— Марьяна, — сказала она в дверях, не входя, — старшина Торбин у ворот. Просит пустить, говорит, у него соль.

Я поднялась. Соль была нашим вторым хлебом после крупы, и если Торбин привез ее добровольно, значит, либо слух о моей передаче ключа дошел до деревень, либо староста почуял, что без него нас не прокормят.

— Пусти во двор, — ответила я. — У амбара, не в зал. И дай ему квасу, пусть отойдет с дороги.

Ирма кивнула и ушла, а я натянула чистый передник поверх рабочего, привычным движением закрепила волосы под платок и вышла. У амбара уже стоял Торбин, маленький, жилистый, в мокрой от пота рубашке. Он держал за спиной холщовый мешок, перевязанный тонкой бечевой.

— Хозяйка, — сказал он вместо приветствия. — Соль. С Каменки привез, как и договаривались.

Я не договаривалась с ним о соли. Мы договаривались о крупе и соломе, о трех возах, которые он не довез в прошлый месяц. Но спорить с Торбиным при его людях было нельзя: он считал себя моим должником, а должник, которого стыдят, либо откупается, либо уходит навсегда.

— Сколько? — спросила я, принимая мешок.

— Два пуда, — ответил он. — Лучшая, серая, как просили. И сверху, хозяйка, — он понизил голос, — там, под мешковиной, письмо. Не мое. Мне передали в Каменке, от человека, которого я не знаю. Сказали, что тебе.

Я поставила мешок на лавку, развязала бечеву. Соль была крупная, пахла морем и чем-то железистым, как и должна пахнуть хорошая соль. Под мешковиной, сложенный вчетверо, лежал лист, запечатанный сургучом без отиска. Я подняла его, повертела в пальцах. Печать была гладкая, без знака, но бумага — дорогая, с водяным знаком палаты.

— Торбин, — сказала я, — ты считал это письмо?

— Нет, хозяйка. Я неграмотный, ты же знаешь.

— Знаю, — ответила я. — Иди к колодцу, умойся. Ирма нальет тебе квасу. Спасибо за соль.

Он поклонился, как кланялся мне три года, и ушел. Я осталась одна у амбара, с письмом в руках. Сургуч не поддавался ногтю, я достала из кармана свой ножик и аккуратно срезала край. Внутри лежал один лист, исписанный мелким, убористым почерком, без подписи и без обращения.

Я прочитала дважды.

Писавший сообщал, что за два месяца до моей свадьбы муж продал часть северной стены вместе с своим соседом, лорду Бранну, за сумму, которой хватило на год жизни в столице. Сделка

была оформлена через палату Вельска, печать стояла на брачном контракте, и поэтому в законе продажа прошла как «приданое жены». Я, выходит, была не только хранительницей замка, но и его продавщицей, не зная об этом.

Я сложила письмо обратно, спрятала под передник. Руки у меня похолодели, но не от страха. От ясности. Я знала, что это значит. Если письмо дойдет до палаты, а дойдет оно туда обязательно, потому что писавший этого хотел, муж сядет в долговую яму, а я смогу потребовать разрыва и возврата земли. Но если письмо всплывет не через меня, а через кого-то другого, первая подозреваемая в подлоге буду я.

Из-за угла амбара вышел Радан. Он переоделся в сухое, но волосы были влажные, как будто только из бани. Левая рука висела свободно, правая была замотана чистой тряпицей, и я поймала себя на том, что смотрю на эту руку дольше, чем следовало.

— Соль, — сказал он, кивнув на мешок.

— Соль, — ответила я. — И письмо.

Я вытащила лист из-под передника и протянула ему. Радан взял, прочитал, и его лицо стало тем каменным, которое я уже научилась читать: не злость, а работа мысли. Он перечитал, сложил и отдал обратно.

— Кто, по-твоему? — спросил он тихо.

— Не знаю. Доброжелатель, у которого свои счета с Велетами. Или враг, который тянет меня в яму вместе с ним.

— Положи в книгу, — сказал он. — В переплет. Там, где метка.

Я кивнула. Мы пошли в хозяйственную комнату молча. У двери я остановилась, потому что из-за стола раздался голос: кашевар, которого я посылала за ключницей, сидел на моем месте и смотрел на реестр, который я не успела закончить.

— Хозяйка, — сказал он, поднимаясь, — там, на двадцать пятом имени, не сходится. Лука Швец умер под Серым Бродом, а меч его у кого-то числится.

Я подошла, посмотрела. Двадцать пятая строка, меч с перевязью, рукоять медная, ножны кожаные. У Луки Швец меч был другой, я сама выдавала ему в последний день перед вылазкой. Я перевернула страницу, нашла запись о выдаче, сверила. Кто-то подменил меч в книге.

Я медленно выпрямилась. В комнате стало тихо, и в этой тишине я услышала, как Радан за моей спиной медленно втянул воздух, как человек, который сдерживает не то слово, не то руку.

— Кашевар, — сказала я, — сядь. Запиши: двадцать пятая строка, подмена меча, выдать справку ключнице. Ты, — обернулась я к Радану, — иди к амбару и посмотри, нет ли там лишних людей. Иди, Радан. Я справлюсь.

Он посмотрел на меня так, будто хотел остаться, но сделал, как я сказала. Шаги его ушли по коридору, и я осталась одна с кашеваром и чужой подменой в книге. Я взяла перо, обмакнула в чернила и вывела на полях, ровным, спокойным почерком: «Подмена установлена, ищу исполнителя». Двадцать пятая строка теперь была не просто именем, а доказательством. Чьим — пока не знала. Но уже знала, что в этой книге на каждой странице теперь будет стоять моя подпись, и подпись эта будет сильнее любого чужого слова.

Я замерла над книгой, и чернила на кончике пера качнулись, оставив на полях кляксу размером с горошину. Кашевар сидел напротив, не дыша, и смотрел на мою руку так, будто ждал приговора. За стеной, в коридоре, раздались тяжелые шаги — Радан не ушел к амбару, он стоял за дверью. Я слышала, как он переступил с ноги на ногу, и этот звук был честнее любого ответа.

— Кашевар, — сказала я, не поднимая глаз, — кто входил в эту комнату с утра, кроме тебя и ключницы?

— Никто, хозяйка. Ключница при мне открыла сундук за тряпьем, и я сам его запер. Окно на задвижке.

— А ночью?

Он замялся. Я подняла голову.

— Ночью, хозяйка, поверенный мужа просил ключ от хозяйственных покоев. Ты велела отдать ключ от верхних комнат, но не этот.

— Кто впустил его в коридор?

— Я. Он сказал, что ищет печать брачного договора, думал, она в сундуке. Я его не пустил к сундуку, но он стоял у двери минуту, может две. Я за ним следил.

Минута, может две. Этого хватило бы, чтобы сменить страницу. Я положила перо, закрыла книгу и прижала ладонь к переплету. Под кожей у меня зачесалось, как перед грозой. Мне нужно было говорить с Раданом, но не при кашеваре. Не потому что кашевар был ненадежен, а потому что то, что я собиралась спросить, касалось не книги.

— Ступай, — сказала я кашевару. — Ключнице скажи, что я жду ее через час с новой описью белья. Никому ни слова о подмене, даже ей. Особенно ей.

Он кивнул и вышел. Я подождала, пока за ним закроется дверь, и только тогда сказала негромко:

— Войди.

Радан вошел бесшумно, как входит человек, который умеет занимать чужие комнаты, не оставляя следа. Он остановился у стола, посмотрел на закрытую книгу, потом на меня. Правая рука висела вдоль тела, замотанная тряпичей, на которой уже проступило бурое пятно.

— Ты слышал, — сказала я.

— Слышал.

— Сядь.

Он сел на лавку кашевара, не на мою. Я заметила это и почему-то запомнила. В комнате пахло сушеной мятой и тем кислым железом, которое идет от старых чернил. Я подвинула к нему чернильницу, чистый лист, обмакнула перо и положила ему перед ладонью, до которой он мог дотянуться здоровой рукой.

— Пиши, — сказала я. — Показания. Что видел у амбара.

— Ничего не видел, я не вышел.

— Тогда пиши, что не видел. Мне нужна твоя подпись под этой строкой, Радан. Не как генерала. Как человека, который был за дверью и слышал.

Он посмотрел на перо, потом на меня. Глаза у него были серые, в красных прожилках от усталости, и я впервые подумала, что он тоже не спал. Он взял перо левой рукой, и я увидела, как у него дрогнули пальцы.

— Я не умею, — сказал он тихо.

— Умеешь. Ты подписывал приказы.

— Приказы другой рукой.

— Тогда пиши как можешь.

Он наклонился к листу, вывел коряво: «Присутствовал за дверью хозяйственной комнаты с утра до полудня. Внутрь не входил. Кр». Он остановился, посмотрел на последнюю букву, стер и начал заново. Теперь вышло: «Крей». Потом положил перо и подвинул лист ко мне.

Я взяла лист, прочитала. Почерк был детский, но разборчивый. Подпись стояла там, где я хотела. Я подняла глаза. Он сидел напротив, опустошенный этой простой записью больше, чем был опустошен вчера на стене, и я поняла, что стоит мне сейчас протянуть руку и положить ладонь поверх его ладони, он не отнимет.

Я не протянула.

Вместо этого я сказала:

— Спасибо. Иди к Зоське, пусть она перевяжет тебе руку по-человечески. Потом вернешься и постоишь у двери до ночи.

Он встал. На пороге остановился, не оборачиваясь.

— Марьяна, — сказал он.

— Что.

— Я не буду больше молчать о том, что знаю про мужа. Ты реши сама, что с этим делать, но я больше не буду.

Он ушел. Я осталась одна, с подписью на столе, и у меня в руках впервые за три дня было то, что нельзя отнять именем мужа. Чужая рука, положившая свою честь рядом с моей.

Я стояла над книгой и слушала, как в коридоре стихают шаги Радана. На столе лежала его подпись — кривая, детская, но моя. Капля крови из амулета, которую он по привычке снял с запястья и положил рядом с чернильницей, медленно темнела на листе. Он не сказал мне об этом. Я заметила сама.

Подняла амулет. Камень был холоднее, чем вчера, и я впервые подумала: это потому, что он ушел от меня, или потому, что внутри стало меньше того, что грело. Прижала к запястью. Под кожей знакомо зачесалось, но видения не было — только сухая пульсация, как у человека, который очень устал. Я положила амулет в карман передника и вернулась к книге.

Мне нужно было решить, что делать с подменной меча. Доказательство есть, исполнителя нет. Поверенный мужа стоял у двери минуту, может две — этого хватило бы, чтобы вынуть лист и вложить другой, но у меня в руках не было ни его руки на бумаге, ни следа, который суд примет. Только косвенное: чужая запись в моей книге, в моем замке, в первый же день после передачи ключа. Этого мало для палаты. Этого хватит, чтобы муж сказал: «Ошибка писаря, моя жена привыкла видеть заговор в каждой тени».

Я вырвала лист с подписью Радана, сложила вчетверо и спрятала в переплет хозяйственной книги, под заднюю крышку, туда же, где уже лежала копия закладной на луг. Три документа в одном переплете — мой маленький архив, о котором муж не узнает, пока не захочет сжечь мою работу.

В коридоре послышались шаги — легкие, неровные. Я узнала походку Ленки-подкидыша еще до того, как она открыла дверь. Девочка вошла боком, прижимая к груди куклу из тряпки, и посмотрела на меня снизу вверх так, как умеют смотреть только дети, которые рано научились не плакать.

— Хозяйка, — сказала она, — там, у кухни, казначей мужа. Стоит у ларя с крупой, пересчитывает мешки. Говорит, что проверяет довольствие гарнизона по приказу барона.

Я почувствовала, как у меня свело скулы. Казначей мужа у моего ларя, в моей кухне, считает мой хлеб через сутки после того, как муж отказался письменно подтвердить, что этот хлеб будет у гарнизона. Это была не проверка. Это был обыск без моего разрешения.

— Ленка, — сказала я, поднимаясь, — иди к Зоське. Скажи, что я прошу ее прийти в кухню через десять минут, ей будет работа. И ничего не бойся.

Она кивнула и убежала, шлепая босыми пятками по каменному полу. Я взяла со стола свою печать — ту, что еще оставалась при мне, малую хозяйственную, не брачную — и пошла в кухню. По дороге достала амулет, сжала в кулаке. Камень не гудел. Значит, рядом не было мужа, и я могла говорить спокойно.

Кухня пахла квашеной капустой, дымом и тем особенным утренним холодом, который идет от печи, когда ее только растопили. Казначей — пожилой мужчина в темном кафтане, с пером за ухом и связкой ключей на поясе — стоял у ларя и действительно пересчитывал мешки. Рядом, привалившись к стене, стоял один из стражников мужа — Вилей, если я не путала лица.

— Доброго утра, — сказала я от порога, и оба обернулись. — Казначей, кто дал вам право стоять у моего ларя?

Он выпрямился. Глаза у него были маленькие, внимательные, привыкшие к чужим цифрам.

— Барон Лорен, хозяйка. Приказ о проверке довольствия гарнизона в связи с передачей ключей.

— Приказ есть письменно?

— Устно, с подписью барона.

— Устный приказ моего мужа не дает вам права вскрывать мой ларь. Я — временная хранительница этого замка и его довольствия до публичного восстановления брака в палате. Ключ от нижней казны у барона, ключ от кухни и амбара у меня. Если хотите проверить — пригласите нотарию, составьте опись при свидетелях, и я открою ларь сама. А сейчас, — я сделала шаг вперед и встала между ним и полками, — вы уйдете из моей кухни. Иначе я позову гарнизон и попрошу их решить, имеют ли право чужие люди пересчитывать их хлеб.

Казначей посмотрел на Вилея. Вилей посмотрел на казначея. В кухне стало очень тихо, и в этой тишине я услышала, как за спиной у меня открылась дверь. Целительница Зоська вошла шаркающей походкой, с корзиной трав в руке, и встала у печи, как человек, который пришел по делу и никуда не торопится. Ее присутствие меняло расклад: теперь в кухне были я, травница, доверенное лицо мужа, и двое чужаков, один из которых — стражник. Любой протокол, составленный здесь, будет иметь вес.

Казначей понял это быстрее, чем я ожидала. Он поклонился — коротко, сухо — и пошел к двери. Вилей задержался на полшага, но пошел за ним. Я дождалась, пока за ними закроется дверь, и только тогда выдохнула.

— Зоська, — сказала я, — мне нужно, чтобы ты засвидетельствовала одну вещь.

Она поставила корзину на лавку и посмотрела на меня тем взглядом, которым смотрят наставницы, когда ученица впервые делает то, чему ее учили.

— Говори, — сказала она.

— В ларях не хватает двух мешков крупы и одного окорока солонины. Под окороком я нашла обрывок чужой метки оружейника. Я хочу, чтобы ты пошла со мной к ларям, увидела это своими глазами, и я записала твои слова в книгу. Не как лекарь, как свидетельница. Потому что когда муж захочет сказать, что я сама подложила метку, мне нужно будет имя человека, которому палата поверит больше, чем ему.

Зоська молча кивнула. Я пошла к ларям, достала из-под окорока обрывок метки — маленький кусок кожи с выжженным знаком, который я узнала: герб оружейника Серого Брода, того самого, что поставлял мечи осаждавшим. Положила на стол. Зоська наклонилась, посмотрела, понюхала — привычка травницы — и выпрямилась.

— Видела, — сказала она. — Записывай.

Я нашла его не у ворот, как думала, а у задней калитки, через которую возили зерно. Он стоял, перехватив за уздцы чужую лошадь — худую, гнедую, с обтертым хребтом. Рядом топтался Гонец Дарен, красный от быстрой езды, в мокром до подмышек.

— Гонец к гарнизону, — бросил Дарен, не дожидаясь моего шага. — От Вилея. Говорит, что казначей барона скупил у наших подрядчиков два мешка соли и обещает еще столько же овса, но требует расписку от ключницы. Ключница — это Ирма Тихо, и Вилей ждет ее на кухне через полчаса.

Я почувствовала, как у меня свело пальцы на рукояти хозяйственной книги. Расписка от ключницы от имени мужа, без меня, без палаты, без нотарию. Если Ирма подпишет — долг ляжет на замок, а не на барона, и я буду отвечать за чужие деньги своим хлебом.

— Не подписывать, — сказала я коротко. — Дарен, беги к Ирме, скажи: я запрещаю любые расписки от моего имени и от имени замка без моей руки и печати ключницы с моей подписью рядом. Если казначей давит — пусть ждет меня.

Дарен сорвался с места, и его шаги затихли за углом кухни. Я осталась с Раданом у чужой лошади. Он молча развязывал узел на поводке, и его правая рука — та, что еще вчера горела у

Зоськи — была бледнее обычного, с синевой под ногтями. Я поймала себя на том, что смотрю на его пальцы дольше, чем следовало.

— Лошадь от кого? — спросила я, чтобы не молчать.

— От старшины Торбина. Пригнал сказать, что мука из деревни не поедет, пока барон не подтвердит цену письменно. У него долг за прошлую зиму — восемь мешков, и он боится, что новая власть съест его запасы прежде, чем он дойдет до амбара.

Я кивнула. Торбин не дурак. Он три года возил мне припасы, когда мужа не было, а теперь боится, что возврат мужа обнулит все договоры, которые я подписывала его рукой. И правильно боится.

— Передай ему, — сказала я, — что я сама приеду к нему после обеда, привезу черновик нового договора, и пусть он его прочтет при свидетелях. Если барон захочет переписать — пусть подает в палату.

Радан поднял голову. В утреннем свете его лицо было таким же серым, как мокрый камень стены.

— Поедешь со мной? — спросил он.

Это прозвучало не как приказ и не как просьба. Это прозвучало как вопрос человека, который впервые за долгое время не знает, имеет ли право звать. Я отвела глаза, потому что мой ответ был слишком очевиден — мне не хотелось ехать одной, мне было страшно ехать одной, и я ненавидела себя за этот страх сильнее, чем за вчерашнюю жалость к его руке.

— Поеду, — сказала я. — Через час, у хозяйственного двора. Сначала мне нужно вернуть ключ от кухни Ирме, чтобы она закрыла амбар, пока меня нет. И закончить запись в книге.

Он кивнул, и мы пошли назад по двору — он чуть впереди, я чуть позади, и между нами было ровно столько расстояния, сколько нужно, чтобы никто не подумал лишнего. Но когда мы проходили мимо колодца, его левая рука — та, что была целой — на секунду задела мою. Не схватил, не сжал, просто задел тыльной стороной ладони, и это прикосновение обожгло меня хуже, чем вчерашний жар под кожей. Я ускорила шаг и не обернулась.

У кухни меня ждала Ирма с двумя ключами наготове и лицом, которое не обещало ничего хорошего. Она молча протянула мне записку — короткую, без подписи, на бумаге с водяным знаком палаты Вельска. Я развернула, прочла. Лара Вельская приглашала меня к себе в покои на «сестринский разговор» через час, до моей поездки, и обещала передать мне письмо от мужа, написанное якобы в первую ночь после его возвращения в замок.

Я сложила записку и спрятала в книгу, рядом с меткой оружейника. У меня был час. Час, чтобы закрыть амбар, дописать протокол недостачи, отдать ключ Ирме, умыться, переодеть чистый передник и решить, идти ли к Ларе. Я знала, что пойду. Потому что Лара — это не муж. Лара — это бумага, доверенность, печать палаты Вельска. Если я увижу это письмо своими глазами, я смогу сравнить почерк с тем, что лежит в переплете книги, и понять, кто на самом деле писал мужу эти строки про любовь.

Я зашла в кухню, сняла с гвоздя свой передник, надела чистый и завязала тесемки на груди. За стеной, в хозяйственной комнате, ждала меня книга, в которой уже лежало четыре документа, и каждая новая запись делала мою позицию чуть сильнее, а позицию мужа — чуть слабее. Я поправила волосы, подобрала с пола упавшую монету — медную, с гербом старого Лорена — и положила в карман. На удачу, которой у меня не было.

Я записала. Почерк у меня дрожал, но каждая буква была на месте: число, название ларя, недостача, метка, имя свидетельницы. Зоська поставила свою подпись рядом с моей — мелкую, аккуратную, с завитком на «з». Это была моя первая подпись, которую нельзя было отменить именем мужа.

Я закрыла книгу, прижала к груди и посмотрела на окно. За стеклом медленно светлело, и на стекле лежал отпечаток моей ладони — маленький, женский, четкий. Я убрала руку и пошла к двери.

Мне нужно было найти Радана.

Глава 5. Сломанная дверь

Лопнувшая петля в камерке ключницы давно просила новую. Я присела на корточки, вставила в карманную дубовую колодку кусок кожи и ударила молотком. Крепко. Кожа вошла в дерево, дверь перестала качаться и встала ровно. Ирма вложила мне в руку чистую тряпицу, я вытерла пальцы, и тут же внизу, по лестнице к хозяйственной комнате, застучали каблуки. Лара Вельская шла так, будто каждая ступень принадлежала ей.

Я успела спрятать записку в переплет хозяйственной книги прежде, чем дверь открылась. Лист был сухой, со старой печатью палаты, и пах чужими духами. Копия брачного контракта, которую Радан принес из ставки, лежала там уже сутки; прочитать я не успевала, потому что ночью считала мешки с крупой, а утром ловила мужа на недостатке окорока. Но Лара не должна была увидеть у меня этот документ. Она и так слишком хорошо знала, где я храню важные бумаги.

— Сестра моя, — Лара остановилась у стола, сложила руки на животе, — я пришла помочь. В доме столько дел, а ты одна.

Я выпрямилась и встретила ее взгляд поверх книги. Свет из окна бил ей в затылок, и лицо у Лары было мягкое, как у статуи в часовне.

— Спасибо. Мне нужна помощь с реестром оружия. Поверенный требует список к полудню.

— Я могу переписать, — она улыбнулась, и я заметила, что она уже знает, где лежит книга. — Ты ведь устала.

— Я устала считать, а не писать. Завтра казначей проверит мешки по моему списку, а не по твоему.

Лара не обиделась. Обижаться было не в ее интересе. Она опустилась на лавку, подобрала край платья и заговорила о другом:

— Я слышала, Велет просил у тебя ключ от нижней казны. Ты отдала?

— Отдала печать брачного договора и ключ. По обычаю, обеими руками.

— Значит, теперь ты жена.

— Теперь я временная хранительница, пока палата не подтвердит мои права. Печать на поясе мужа не делает меня его собственностью. Это делает меня его должницей.

Лара посмотрела на меня так, будто я сказала что-то смешное.

— Должницей?

— Без его подписи я не могу нанять лекаря для деревни. Без его подписи я не могу снять деньги на жалование гарнизону. Без его подписи я даже не могу открыть нижнюю казну: нужно два ключа одновременно. Печать на моем поясе раньше давала мне право решать за всех. Теперь это его право, и мое - ждать, пока он распишется.

Она прикусила нижнюю губу, и я поняла, что попала в нужное место. Лара пришла узнать, сколько власти осталось у меня в руках. Теперь она знала, сколько.

— Но ты ведь можешь торговаться, — сказала она осторожно.

— Торговаться не с ним. Торговаться с палатой. Я подам прошение о публичном подтверждении прав, и тогда муж будет обязан явиться в совет с доказательствами своих прав на меня. Не на тело. На хозяйство. Это разные вещи.

Я открыла книгу на чистой странице и написала: "Лара Вельская. Визит. Цель: узнать про ключ и печать. Итог: знает, что я временная хранительница". Лара увидела строку и впервые за визит не улыбнулась.

— Ты пишешь про меня?

— Я пишу про всех, кто сегодня вошел в хозяйственную комнату. Кашевар, Ирма, Радан. Теперь ты. Это мой реестр визитов, и он уедет в палату вместе с реестром оружия.

Она встала, отряхнула платье, и в этот момент в дверь постучал Радан. Он вошел без спроса, как входит человек, который имеет право войти, и остановился у порога. Мокрый плащ блестел на его плечах, и я снова увидела синеву на костяшках правой руки. Лара посмотрела на него так, будто увидела змею у своих ног, и быстро вышла.

Мы остались одни.

— Ты ей рассказала про хранильницу, — сказал он глухо.

— Я рассказала ей про палату. Это разные вещи.

— Зачем?

— Потому что Лара уедет к мужу и расскажет ему, что я не отдала ему себя вместе с печатью. Он решит, что я торгуюсь, а на самом деле я просто подаю прошение. Это его испугает сильнее, чем спор за столом.

Радан смотрел на меня, и я снова почувствовала жар в правом запястье, там, где вчера минуту держала его руку. Этот жар не имел права быть. Я отвернулась к столу и раскрыла копию брачного контракта. Мне нужно было наконец прочитать, в какую клетку меня посадили три года назад.

Я разложила копию на столе, придавила углы чистыми камешками из пепельницы и подвинула свечу ближе. Чернила на старой бумаге пошли бледно, но читались. Радан сел на лавку напротив, не спрашивая разрешения, и я порадовалась, что он молчит. Тишина в этой комнате была рабочей, и я не хотела терять ее на разговоры.

Контракт был составлен коротко, как будто писали не брачный договор, а купчую на мельницу. Я перечитала первую страницу, потом вторую, и у меня свело челюсть. "Жена не имеет права без подписи мужа нанимать и увольнять слуг, отчуждать имущество замка и деревень, заключать договоры свыше..." Свыше какой суммы - зависело от года. В год моего замужества сумма была одна. Сейчас, после трех лет и дорогой войны, другая, и я не могла проверить, потому что оригинал лежал в палате. Я дочитала до конца, и последняя строка ударила меня сильнее всех.

"Право на вход в хозяйские покои принадлежит мужу в любое время суток. Жена не вправе запирает покои без письменного согласия мужа, заверенного печатью палаты."

Я положила ладонь на бумагу и почувствовала, как у меня холодеют пальцы. Три года я запирала дверь на засов, и три года этот засов был пустой жест, не защита, а иллюзия. Муж мог войти ко мне в любую ночь, и ни совет, ни палата, ни даже отец Бронислав не признали бы это нарушением. Я была не женой в собственном доме. Я была вещью с правом готовить.

— Ты нашла что-то, — сказал Радан.

Я перевернула последнюю страницу к нему и показала пальцем.

— Читай.

Он прочитал медленно, один раз, второй. Я смотрела, как его глаза идут по строчке, и ждала, что он скажет хоть слово жалости. Он не сказал.

— Давно составлено, — ответил он глухо. — Еще при старой палате. По нынешним правилам жена имеет право на отдельный покой, если докажет, что муж нарушил супружескую верность.

— Мне нужно доказать.

— Амулет.

— Амулет показывает мне. Палате нужны имена, показания, печати свидетелей. Не камень и не мои слезы.

Он кивнул. Я видела, что он хочет сказать что-то еще, но он этого не сказал, и я почувствовала холод у правого запястья, там, где вчера держала его руку. Этот холод был мне знаком. Так у меня стыли пальцы в первый год осады, когда я решала, кого кормить завтра, а кого нет. Стынут пальцы - значит, я принимаю решение, от которого нельзя отвертеться.

Я взяла чистый лист, обмакнула перо и начала писать прошение в палату. "Я, Марьяна Лорен, временная хранительница замка, прошу о публичном подтверждении моих прав и о разрыве брачной клятвы по причине..." Тут я остановилась. Причина должна быть записана так, чтобы ее поняли без меня. "По причине установленной измены мужа с именами свидетелей, которые будут представлены в суде".

— Ты решила, — сказал Радан.

— Я решила. Без этой бумаги я не могу нанять лекаря для деревни. Без нее я не могу открыть амбар без его подписи. Без нее я сплю в комнате, куда он войдет, когда захочет. Сегодня он захотел ключ от казны. Завтра он захочет войти ко мне.

Я дописала строку и посыпала чернила песком. Радан смотрел на мою руку, и я снова почувствовала эту его манеру - смотреть поверх моих пальцев, как будто считает, сколько раз я поднимала и опускала перо. Мне было неловко от этого взгляда, и я злилась на себя за неловкость.

— Дай мне сургуч, — попросила я. — У меня печать с гербом, ее хватит для внутренней копии.

Он снял с пояса плоскую коробочку, откинул крышку. Внутри лежал кусок красного сургуча и маленькая медная ложка. Я подогрела кончик свечи, капнула сургуч вниз листа и прижала перстнем. На бумаге остался мой герб - скрещенные ключи и плуг. Не его герб. Мой.

— Зачем тебе сургуч сейчас? — спросил Радан. — Ты же не повезешь ее в палату сегодня.

— Это копия. Оригинал поедет со мной в город через седмицу. Копию я вшиваю в переплет хозяйственной книги, чтобы муж не нашел ее среди обычных счетов. Если он обыщет мою спальню, он ее не увидит. Если он обыщет кладовую, не увидит тоже. Эта книга стоит у ключницы, и ключница знает, что я ее просила не отдавать никому.

Я взяла шило и аккуратно проколола корешок книги. Радан протянул мне иглу с тонкой ниткой, не спрашивая зачем. Я вдела лист внутрь переплета, зашила и проверила, что снаружи ничего не торчит. Потом положила книгу на место и провела пальцами по корешку. Гладко. Никто не увидит, если не знает, куда смотреть.

В этот момент снизу раздался голос Велета. Он звал кашевара и требовал подать ужин в большой зал. Потом второй голос, женский, мягкий и с придыханием - голос Лары. Потом шаги, и я услышала, как в кухне открыли бочку с солониной. У меня дернулась щека.

— Он ест, — сказала я тихо. — Он ест из запаса, который я считала по головам.

Радан встал. Я видела, что он хочет уйти в зал и встать между мной и мужем, но я качнула головой.

— Нет. Пусть ест. Запишу расход. Завтра покажу ему, что мой реестр длиннее его аппетита.

Он сел обратно. Я открыла чистую страницу книги и написала: "Ужин в большом зале. Расход: полтора окорока, две меры крупы, кувшин медовухи, хлеб свежий". Потом ниже, другим почерком, потому что эта запись должна была быть другой: "Лист вшит в переплет. Печать скрещенных ключей. Оригинал поедет в палату через седмицу. Подпись: М. Лорен".

Я положила перо и посмотрела на Радана. Он сидел тихо, и я впервые за этот день заметила, что у него опущены плечи. Обычно он держал их ровно, как держат человек, который привык отвечать за тысячу голов. Сейчас плечи были опущены.

— Ты устал, — сказала я.

— Я привык.

— Это не ответ.

Он посмотрел на меня, и я увидела, как у него дрогнуло горло.

— Ты вчера держала мою руку. Минуту. Зоська сказала, этого хватит на два дня, чтобы кость не отнялась. Я хочу, чтобы ты знала - этого хватит.

Я отвернулась. Я не хотела, чтобы он видел мое лицо в эту секунду, потому что на моем лице было написано что-то, что я не умела выговаривать даже сама себе. Мне было страшно, что эта бумага, которую я только что вшила в книгу, не доедет до палаты. Мне было страшно, что муж войдет ко мне раньше, чем я доберусь до города. И мне было страшно, что я уже не смогу отпустить эту руку, которую вчера держала минуту.

— Спокойной ночи, — сказала я вслух.

— Спокойной ночи, Марьяна.

Он вышел, и я осталась одна с книгой, в которой теперь лежала моя свобода. Снаружи, за дверью хозяйственной комнаты, по лестнице поднимались чужие шаги.

Шаги в коридоре были слишком ровные для Велета. Он ходил тяжело, припадая на левую ногу после старой раны, а эти шаги шли мягко, словно женщина в мягких туфлях. Я подождала у двери хозяйственной комнаты, пока они пройдут мимо, и только тогда вышла.

У залы было светло. Свечи горели в бронзовых канделябрах, и в их желтом жире я сразу увидела то, что хотела увидеть. На длинном столе стояло блюдо с остатками моего окорока, рядом - горка пустой крупы, опрокинутый кувшин, липкий мед на скатерти. Велет сидел во главе, Лара Вельская - через два стула, поверенный и казначей - по бокам. На тарелке у Велета лежал кусок хлеба, который я месила утром. Я узнала свой загиб.

Я вошла, не постучав.

— Доброго вечера, — сказала я.

Велет поднял голову. У него был тот взгляд, которым он смотрел на меня в первый год брака, когда я была для него новым приобретением в списке имущества.

— Я думал, ты уже спишь, — сказал он.

— Я считала. Мой реестр длиннее твоего аппетита, лорд. Полтора окорока, две меры крупы, кувшин медовухи, хлеб свежий. Если завтра твой аппетит не уменьшится, к седмице у гарнизона не останется супа.

— Я вернулся в свой дом, Марьяна.

— Ты вернулся в мой дом. Я хозяйка. Тебе принесли печать и ключ. Гарнизон ест по моему реестру.

Он улыбнулся. Улыбка у него всегда была красивая, отработанная, как у человека, который знает, что его будут смотреть в суде.

— Я поговорю с тобой позже, — сказал он мягко. — При людях о хозяйстве не говорят.

Я подошла к столу и положила ладонь на край блюда.

— При людях я и говорю. Это мой стол. Это мой гарнизон. Эти люди едят, потому что я считала мешки по головам. Теперь ты здесь, и я жду от тебя письменного подтверждения, что гарнизон сохраняет довольствие. Устное я уже получила. Устное мне не подходит.

Велет посмотрел на поверенного. Поверенный посмотрел в тарелку. Лара Вельская положила руку на рукав брата.

— Дорогая, — сказала она нежным голосом, — вы три года были одна, вы устали. Может быть, завтра, после отдыха, разговор пойдет легче.

Я не посмотрела на нее. Я смотрела на Велета.

— Завтра я перепису оружие. Послезавтра поеду в город. Через седмицу буду в палате. Если к тому времени у меня не будет твоей подписи на бумаге о гарнизоне, я поеду в палату с другим прошением.

— Каким? — спросил Велет.

— О разрыве брачной клятвы и о признании твоих долгов твоими личными. Мне нужно твое имя под бумагой о гарнизоне, чтобы мне не пришлось этого делать. Выбирай.

Тишина стала очень плотной. Свечи в канделябрах зашипели, и на скатерть упала капля жира. Велет держал бокал двумя руками, и я увидела, как у него побелели костяшки.

— Я дам тебе подпись завтра, — сказал он.

— Завтра, — повторила я.

Я вышла. В коридоре у двери в кухню стоял Радан. Он стоял в тени, и я не сразу его увидела. Только блеснула синева на костяшках правой руки, и я поняла, что он прижал кулак к бедру так сильно, что ногти впились в кожу.

— Ты слышал? — спросила я.

— Я слышал, что ты назвала его по имени. По титулу.

— И он ответил мне титулом. Лорд. Не жена. Не имя.

Он шагнул ко мне. Один шаг, и между нами не стало ни ширины коридора, ни желтого света из залы. Его запах - мокрая шерсть, хвоя, холодная соль - ударил мне в грудь сильнее, чем его слова. Я отступила на полшага и уперлась спиной в стену. Он не двинулся дальше.

— Если он не подпишет, — сказал он глухо, — я уеду в город с тобой. Не как муж. Не как сопровождающий. Как свидетель. Я подпишу каждую бумагу, которую ты подашь.

— Зачем тебе это?

— Потому что ты права. Потому что пока я молчу, у меня холодеет рука. Потому что я хочу стоять в палате рядом с тобой, когда ты назовешь его по имени, и чтобы мое имя тоже было в протоколе.

Он сказал это очень тихо, и я услышала в его голосе то, что он никогда не говорил вслух. Не про постель, не про тепло, не про то, что я держала его руку минуту. Про то, что он готов заплатить за меня тем, что у него осталось от крыльев.

Я подняла руку и прижала ладонь к его запястью. Под кожей у него сразу же забились вторая жила, горячая и упрямая, как у человека, который не привык сдаваться. Я держала ровно минуту, как вчера.

— Завтра, — сказала я. — Если подпись будет.

Он кивнул. Я убрала руку и пошла к себе. На пороге хозяйственной комнаты я обернулась. Он все еще стоял у стены, где я его оставила, и смотрел мне вслед. На запястье у него розовело маленькое пятно - след моей ладони. Я закрыла дверь.

Утром ждала меня подпись мужа. Или поездка в город без нее.

Утро началось с того, что я не могла застегнуть крючок на воротнике. Пальцы у меня были холодные, цыганские, и я дергала мелкую застежку минуту, прежде чем поняла, что руки трясутся не от холода. Я отложила воротник, взяла хозяйственную книгу, перелистала на страницу, где у меня лежал вчерашний протокол, и нашла засунутый в переплет лист с закладной на замковый луг. Документ был там, целый, с печатью драконьей лапы. Я снова вшила его на место, затянула нитку и положила книгу в нижний ящик, под счета за соль.

Ключ от ларя с крупной я вчера отдала кашевару. Ключ от хозяйственной комнаты висел у меня на поясе. Ключ от спальни, по обычаю, теперь хранился у мужа. Эта простая арифметика, три ключа и три разных руки, не давала мне покоя. Я считала не для того, чтобы понять, сколько у меня осталось, а чтобы понять, сколько у меня отняли.

За дверью хозяйственной комнаты слышались шаги. На этот раз тяжелые, припадающие на левую ногу. Велет. Я не встала, я ждала. Он постучал один раз, сухо, как стучат в собственную кладовую.

— Войди, — сказала я.

Он вошел. На нем был свежий кафтан, темно-синий, с серебряной нитью по вороту. В левой руке он держал свернутый лист, в правой - собственную печать на шнуре. У него было лицо человека, который всю ночь считал, во что ему обойдется подпись. За ним, на полшага, стоял поверенный с чернильницей и пером.

— Доброго утра, — сказал Велет.

— Доброго утра. У тебя в руке моя бумага или твоя?

— Наша, — поправил он мягко. — Я прочел твой формуляр. Довольствие гарнизона. Подтверждаю письменно, на одну седмицу, до возвращения основного обоза.

Я не шевельнулась.

— На седмицу, — повторила я. — А после седмицы?

— После седмицы я внесу в палату имена должников, составлю новый реестр, и мы будем говорить как супруги.

— Мы и сейчас супруги. Только твои долги на мне, а мой гарнизон на тебе. Это разные вещи.

Поверенный открыл чернильницу, и запах железа и гвоздики ударил мне в нос. Велет развернул лист, я увидела сверху знакомый герб Лоренов, ниже готовый текст, под ним пустое место для подписи. Текст был написан не его рукой. Он принес его готовым.

— Где гарантия, что через седмицу я не останусь с пустым амбаром и твоей подписью на чужом долге? — спросила я.

— Слово мужа, — сказал он.

Я почувствовала, как у меня на груди тихо загудел амулет. Не больно, не горячо, просто упругая вибрация под ребрами, как будто камень откликнулся на чужую ложь. Я не нажала на него. Я не хотела сейчас видеть картинку. Я уже видела достаточно, чтобы знать, что слово мужа в этом доме стоит не дороже медной монеты на дне колодца.

— Мне нужно не слово, — сказала я. — Мне нужна отметка палаты на твоём листе. Без нее это бумага, а не документ. Через седмицу, когда ты поедешь в город, поставишь отметку сам.

— Ты не доверяешь мне, — сказал он тихо.

— Я доверяю тебе ровно настолько, насколько ты оставил мне доверять. Где мой хлеб, который ты съел вчера?

Секунда тишины. Потом он подвинул лист ко мне по столу. Я взяла перо из рук поверенного, обмакнула и подписала своей рукой на полях. Подпись Марьяны Лорен, временная хранительница. Слово временная я подчеркнула дважды.

— Когда поставишь отметку палаты, — сказала я, — я сниму подпись со своей стороны. До этого твоя бумага без моей ничего не стоит, а моя без твоей тоже. Мы квиты.

Велет посмотрел на лист, на меня, на подпись. Я видела, как у него дернулась щека. Он был не зол, он был уязвлен, что я не сломалась, что я торговалась не криком, а почерком.

— Хорошо, — сказал он. — Седьмой день.

— Седьмой день, — повторила я.

Он вышел, и я осталась одна с листом, на котором теперь стояла моя подпись, а его не было. Утренний свет из узкого окна лег косо на бумагу, и я увидела, что текст на листе набран не на одной бумаге, а на двух, сшитых тонкой ниткой. Вторая половина была уже подписана чужой рукой. Подпись была не его. Подпись была женская, с завитком на мягком знаке.

Я наклонилась ближе. Подпись стояла под словами: подтверждаю передачу дохода от замкового луга на срок до конца войны. Женская, с завитком, другая чернильница, другая бумага. У меня на затылке зашевелились волосы. Клятва амулета гудела глуше, требуя внимания, но я не нажала. Мне не нужна была картинка. Мне нужно было имя.

Я подняла лист, поднесла к свету. На обратной стороне, у самого сгиба, темнела крошечная печать. Не палата, не род Лоренов. Личная печать с буквой В в венке. Вельская. Я сложила лист аккуратно, как складывают чужую тайну, и убрала в переплет хозяйственной книги, под счета за соль.

Через седмицу эта бумага должна была вернуться с отметкой палаты. Вместо этого в ней уже лежала чужая подпись, а на обороте - маленькая печать Лары Вельской. Велет принес мне документ, в котором мой луг уже передан его сестре. И думал, что я не загляну на обратную сторону.

Я подошла к двери. Радан ждал у окна в конце коридора, серая тень у серого света. Я подошла к нему, не убавляя шага.

— Мне нужно съездить в город сегодня, — сказала я. — Не завтра. Сегодня. И поеду я не как жена, которая просит разрешения, а как человек, у которого в кармане лежит документ, подписанный чужой рукой. Если хочешь ехать свидетелем, едем. Если нет, стереги амбар.

Он посмотрел на мою руку, в которой я сжимала край хозяйственной книги, и кивнул. Утро пахло железом и холодной водой, и где-то в зале уже гремел посудой Велет, не зная, что седмица у него не седмица, а один день.

Глава 6. Клятва у двери

Я поставила щеколду на дверь хозяйских покоев сама: ключница уже легла, а замок следовало закрыть до полуночи. Щеколда была тяжелой и холодной, пальцы окоченели, но засов щелкнул ровно. Из зала тянуло вином и чужим одеколоном. Я не стала задерживаться у двери.

В зале Велет Лорен сидел с поверенным и казначеем. Лара Вельская пила из его кубка напротив. Меня не звали, но казначей - маленький, плешивый, с розовым лицом - повысил голос: «Госпожа, печать и ключ переданы, гарнизон на довольствии лорда, вопрос решен». Я прошла мимо. Мне нужен был мой котел.

Кухня пахла хлебом и мокрым деревом. Кашевар Лукьян, здоровый мужик с обожженными бровями, спал на лавке под тулупом, но при моем появлении сел, протер глаза тыльной стороной ладони.

— Хлеб, — сказала я. — На закваске осталась?

— Осталась, госпожа. На два больших коврига хватит.

— Меси. Сейчас. Я буду сама.

Он полез за мукой, не спрашивая. Я сняла фартук с гвоздя, повязала низко, на бедра, закатала рукава. Руки были в чернилах и мелких царапинах. Я вымыла их в бадье, вытерла о полотенце, достала из-за пазухи амулет и положила на край стола. Камень был теплее моей шеи и негромко гудел, как будто внутри что-то клокотало.

Я нажала пальцем на гладкую поверхность. Перед глазами мелькнуло: чужая спальня, низкий потолок, слишком много ткани. Мужская спина - широкие плечи, знакомый шрам на правой лопатке - и женская рука с моим кольцом на безымянном пальце. Кольцо тонкое, серебряное, подаренное свекровью в первый год замужества, я никогда его не снимала. Женщина его тоже не снимала. Она сняла его первой, потому что Велет потянул ее за руку, и обручальное кольцо легло на край блюда, как мелкая разменная монета. Образ перекрыло темной рябью, и камень остыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.